

РОМАН СУРЖИКОВ

СТРЕЛА,
МОНЕТА,
ИСКРА. ТОМ III

Роман Суржиков
Стрела, монета, искра. Том III
Серия «Полари», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64984812

Аннотация

Полари – мир фантастического Средневековья. Суровые и жестокие нравы здесь соседствуют с диковинными ростками будущего, мечи и арбалеты – с первыми электростанциями и железными дорогами. Император Адриан ведет государство нелегким путем реформ и прогресса. Могущественные феодалы плетут изощренные интриги, поднимают мятежи в борьбе за власть. Церковь также пользуется огромным влиянием, ведь в мире Полари никто не сомневается в существовании богов. Боги не стоят в стороне: они шлют людям дары – непостижимые Священные Предметы. Писание гласит: в Предметах таится великая сила, способная исцелять болезни, управлять стихиями, разрушать преграды. Секрет этой силы утерян много веков назад...

Содержание

Стрела	4
Монета	29
Искра	49
Стрела	93
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Роман Суржиков

Стрела, монета, искра. Том III

Стрела

Июнь 1774 года от Сошествия

Восточнее Реки, окрестности лозжа XVIII Дара Богов

Когда очнулся, был вечер, и хотелось есть. Точней, иначе: мысль о еде не вызвала отвращения. Хороший признак.

Эрвин вернулся в землянку, вытащил припасы из мешка. Лисы даже не успели растащить их, пока он валялся без чувств. Видимо, был вечер того же дня. Пожевал вяленины с луковой лепешкой, запил водой. Потом осторожно ощупал рану. Боль тут же взорвалась под пальцами. Опухоль была столь же горячей, как прежде. И лишь на волосок меньше.

Нет, нет, не говорите, что придется повторить этот ужас!

Он, конечно, знал ответ. Только Священный Предмет мог бы исцелить ранение мгновенно. Змей-трава – не святыня, а всего лишь яд. Нужно применять зелье вновь и вновь, пока хворь не отступит. За день рана опять наполнилась гноем. От него следует избавиться, лишь затем влить зелье. Для этого нужен кинжал. Все как в прошлый раз, с тем лишь отличием,

что теперь не придется резать кожу.

Наверное, во второй раз будет легче, убеждал себя Эрвин, ковыляя к зарослям травы и срезая пучки, растирая в миске, делая глоток сока. Он ошибся: было хуже. Теперь тело знало, чего ожидать. Пальцы не гнулись, нож выпадал из рук. Сердце замирало и отказывалось биться. А боль оказалась намного сильнее.

В третий раз – еще сильнее.

В четвертый – еще.

Боль начиналась, едва он заносил нож над раной. Когда протирали клинок орджем перед процедурой. Когда лишь брал его в руку. Когда делал глоток зелья. Оно выжигало нутро расплавленным свинцом – милость в сравнении с тем, что последует дальше. Рана стонала уже тогда, когда он клал в рот последний кусочек лепешки, перед тем как идти за змей-травой. Даже когда просыпался, чувствуя голод и зная, что сейчас развяжет мешок и поест, а дальше возьмет нож и срежет траву, а дальше...

Тело устало от боли, хотелось рыдать и выть. Почему? Сколько еще? Ради всех святых, сколько?!

Рана, прежде ровная, приняла форму лучистой звезды: при поворотах нож иссек ее края. Она кровоточила почти постоянно, и чем больше спадала опухоль – тем сильнее. После лечения следовало бы всякий раз перевязывать ее... и всякий раз Эрвин терял сознание, когда обжигающий яд вли-

вался в дыру под ключицей. Приходил в себя, став на полпинты крови слабее. Потом – еще...

Силы испарялись. Лепешки и мясо не могли восстановить их. Вместе с силами уходила воля.

– Я выживу, чтобы увидеть сестру, – говорил себе Эрвин, и колдовство не действовало.

Он безо всяких колебаний отдал бы жизнь за Иону. Только – быстро. Удар копья или меча – это даже не смерть, а награда, Но не так, как сейчас! Не крохотными кусочками, не дюйм за дюймом!

– Я выживу и вернусь в Первую Зиму, – шептал Эрвин, уговаривая руку согнуться и ввести клинок. – Назло отцу. Ведь он сдурет от удивления! Я один вернулся: не кайры, а я – вот потеха!

Кинжал. Поворот. Яд. Багровая тьма...

– Я выживу и увижу Иону. Я выживу и вернусь домой, – говорил в следующий раз, твердо зная, что не хочет ни того, ни другого. В теле оставалось сил на одно желание: умереть быстро.

Ордж, наверное, мог бы помочь, притупить чувство... но его мало, и он нужен клинку. Грязь, попавшая с ножа в рану, сведет на нет весь эффект зелья. Эрвин берег ордж и брался за кинжал в мучительно трезвом сознании.

– Я все-таки выживу, сожри меня тьма, – шептал он свое заклятье, свою магическую формулу, божественную фразу.

Рука с кинжалом – Священный Предмет. Чтобы она пришла в движение, нужно сказать правильные слова. – Я увижу Иону. Я увижу мать. Я вернусь домой. Назло всем! Назло себе самому, будь я проклят!

Кинжал. Проворот. Яд.

Боги, до чего же!..

Потом левая рука отказалась служить. Прежде ему удавалось сжать ее в кулак и взять кисточку. Теперь – все, пальцы попросту не слушались. Правой рукой он вложил кинжал в левую и согнул пальцы на рукояти, привязал нож к ладони. Правой же нужно будет ввести клинок в рану. Левая послужит только рычагом, чтобы удержать нож, пока правая схватит кисть и нанесет зелье. Все действие занимало раза в два больше времени, чем прежде.

– Я выживу. Вернусь в Первую Зиму. Увижу сестру и мать. Отомщу за мой отряд. Я выживу!

Удар. Неудачный, неловкий. Второй удар, поворот. Правая рука тянется за соком, левая падает, нож выскальзывает из раны.

– Сколько еще нужно?.. Сколько вообще можно вытерпеть?.. Скоро ли край?.. – шепчет Эрвин, чувствуя слезы на щеках и губах. Вместе со слезами столь же соленая ярость наполняет рот. – Но я выживу! Отомщу всем! И Луису, и тому, кто его послал, и тем, кто убил моих людей. Всем вам, мрази, нелюди! Отомщу каждому из вас! За Теобарта и Том-

ми, за кайров и греев, за Дождя и Леоканту. Проклятые твари, вы сполна расплатитесь за то, что мне приходится делать это с собою!

Удар кинжала. Поворот плеча-рычага. Задержать клинок под углом. Схватить миску. Влить сок в раскрытую рану. Ощутить, как яд прожигает дыру в груди. Дело сделано.

Я выживу.

Багровая тьма.

* * *

Императорский чайный салон – уютнейшее место во всем дворце Пера и Меча.

Роскошная, но небольшая лоджия. Стены – мозаика из малахита и янтаря, потолок – причудливый узор лепнины, оплетающий центральную фреску. Овальные окна выходят в вишневый сад. Сейчас он покрыт снегом, ветви костлявы и пушисты в одночасье. Камин потрескивает огнем. Сквозь слуховые отдушины стены доносится клавесинная музыка.

Быть приглашенным на чаепитие в лоджии – знак особого доверия его величества. Огромная честь даже для землеправителей и императорских советников. А уж для секунд-вассала владыки, каковым является молодой лорд Ориджин... Два года назад, когда Эрвин впервые побывал здесь, он так по-щенячьи гордился собою! Целый следующий вечер терзал слух своей тогдашней пассии Сюзанны рассказами о чае-

питии. Стыдно вспомнить... Сейчас все иначе. Изящество места, избранность круга – теперь только фон. Есть дело, и важно лишь оно. Имеет значение лишь то, что будет сказано.

Его величество Адриан Ингрид Элизабет держит чашку всей ладонью – как пиалу. Он одет в белоснежную рубаху с черным бантом на шее и синий бархатный халат, пышные темные волосы перехвачены золотым обручем. На столе перед владыкой апельсин, нарезанный тонкими ломтиками, и крохотное пирожное – император не любит сладкого.

По правую руку от Адриана – генерал Уильям Дейви. Прекрасно, что он здесь. Из всех императорских советников и приближенных лишь сира Уильяма Эрвин рискнул бы назвать своим другом. К сожалению, когда Эрвин вошел, генерал встал ему навстречу, пожал руку и даже хлопнул по плечу. Тем самым он показал свое расположение к северянину, теперь любые слова генерала в поддержку Эрвина будут критически расценены владыкой.

По левую руку – леди Катрин Катрин из Шиммери. Собственно, она не шиммерийка – смуглая кожа, миндалевидные глаза, стройное тело западницы. И не очень-то леди – Катрин не приходится потомком никому из Праматерей. Родилась в Холливеле, была продана на Юг, служила альтессой шиммерийскому купцу, потом – градоначальнику, потом – принцу... Ныне Катрин Катрин – советница императора по светским интригам. Умна, как черт, и знает все хитросплетение столичных любовных связей, симпатий и интересов не

хуже, чем паук – собственную паутину. Это скверно. Еще хуже – то, что она терпеть не может Эрвина, как, впрочем, и он ее. Хорошо – то, что Катрин Катрин предана императору.

Эрвин сидит напротив владыки. Лакей наполняет его чашку душистой жидкостью с запахом вишни и жасмина. Ставит блюдце с пирожным: поверх сливочного крема беллет виноградка.

– Ваше величество, – говорит Эрвин, – я благодарен вам за приглашение.

– Чай безвкусен без интересной беседы, – отвечает Адриан. – А вы – прекрасный собеседник, лорд Эрвин.

Катрин Катрин не скрывает скептической ухмылки. Генерал Дейви с наслаждением жует пирог.

– Позвольте ли мне предложить тему, ваше величество?

– К нашему общему удовольствию.

– Меня всегда занимал вопрос, – непринужденно говорит северянин, – в какой мере следует смешивать любовь и политику. Мы полагаем политические браки естественными и полезными, однако обходим вниманием один нюанс. Политика переменчива и сиюминутна: тот умер, этот унаследовал власть, те земли вступили в союз, эти повздорили... Политическая ситуация может меняться каждый месяц, в то время как брак и любовь остаются с нами на долгие годы. Политический брак вынуждает нас связывать нечто сиюминутное с чем-то другим – вечным. Правильно ли это?

Адриан лукаво усмехается, украсив щеки янмэйскими

ямочками:

– А вы – романтик, лорд Эрвин. Не ждал услышать из ваших уст слова о вечной любви.

– Кто романтик? – фыркает сир Уильям. – Эта северная ледышка?! Не верьте, ваше величество. Он может одним взглядом заморозить любую девушку.

– Благодарю, что вступились за мою репутацию. Вы правы, сир Уильям, дело не в романтизме. Брак навязывает нам некоторую политику, сковывает с тем или иным домом, диктует определенные решения. Но тот союз, что выгоден сейчас, может оказаться обременителен завтра. Ситуация меняется, а брак остается.

Император прищуривается с любопытством.

– Лорд Эрвин, вы – мастер иносказаний. Но сейчас зима, а зимою хочется прямоты. Скажите напрямик: к чему ведете?

– Воля вашего величества. Я говорю о леди Аланис Альмере.

Катрин Катрин мечет искоса острый взгляд. Хваткая собачка.

– О леди Аланис, – говорит владыка, – и моем браке с нею, который в будущем повредит интересам Короны. Правильно я понял вас, лорд Эрвин?

– Да, ваше величество.

– Как вы знаете, я еще не сделал выбора в пользу леди Аланис.

– Конечно, ваше величество.

Катрин Катрин вставляет замечание:

– Лорд Ориджин считает, ваше величество, что знает наперед все ваши решения. По его мнению, вас легко предугадать. А при необходимости и подергать за ниточки.

– Ваше величество, – говорит Эрвин, игнорируя выпад, – я знаю, что выбор не сделан. Лишь высказываю надежду, что он не будет в пользу леди Аланис.

Император не спешит отвечать. Катрин Катрин вставляет, пользуясь паузой:

– Отчего же? Агатовцы перегрызлись меж собою? Как мило!

– Агатовцы служат интересам Янмэй, ваше величество.

– Ах, милый лорд Эрвин, вы так добры! И в чем же интерес Янмэй, видимый вами насквозь?

Перепалка с этой смуглой дрянью – последнее, что нужно Эрвину. Он скатится до грызни с собачками, а владыка будет лишь наблюдать свысока. Нет, это скверно, надо иначе. Эрвин нарочито игнорирует женщину и обращается к Адриану:

– Ваше величество, спустя год сложится такая ситуация. Императрица – прекрасная леди, любимая высшей знатью, амбициозная и волевая. Ее отец – первый советник Короны и заодно правитель богатейшей земли. Его брат – глава Праотеческой Церкви. Сложно представить себе суммарное могущество этой троицы. А Корона тем временем проводит в жизнь реформы, весьма непопулярные среди Великих Домов. Находит ли Корона безопасным подобное положение?

Адриан молчит с лукавой усмешкой. Молчит и сир Уильям – он не силен в острословии. Катрин Катрин вкрадчиво мурлычет:

– Я все жду, лорд Эрвин, когда вы предложите в жены владыке вашу прелестную сестричку.

– Владыка вряд ли нуждается в советах свахи.

– Именно потому вы отговариваете его от брака с леди Аланис. Исключительно в интересах Короны, верно?

Катрин Катрин улыбается, заметив проблеск злости на лице Эрвина. Тогда Ориджин говорит то, чего никто от него ждет:

– Вы правы, любезная леди Катрин, меня не заботят интересы Короны. Я действую в интересах Дома Ориджин и ряда его союзников. – Он делает паузу, бросает в рот виноградинку, дарит женщине ответную улыбку. – В интересах дома Фарвей-Надежда получить лен и имперскую ссуду на строительство искроцеха. В интересах дома Литленд – контроль над четырьмя нижними бродами через реку Холливел. Дом Нортвуд желает иметь в субленном владении одну из бухт порта Уиндли, а его светлость Галлард Альмера – сохранить мантию приарха, несмотря на свои едкие замечания в адрес Короны.

– А Великий Дом Ориджин?.. – спрашивает его величество.

– Будет счастлив получить порт Уиндли со всеми кораблями Первой Морской гильдии Южного Пути, а также рас-

квартировать в Землях Короны пять кайровских батальонов, получив достойную оплату за их услуги. Великий Дом Ориджин также полагает, что во всем подлунном мире не найти более благородной девушки, чем леди Иона София Джессика, и будет счастлив видеть корону императрицы на ее челе. Однако полагает, что выбор императора – исключительно его личное дело, и не смеет давать советы.

Катрин Катрин не находится с ответом, от удивления тонкие брови ползут на лоб. Сир Уильям замирает, не донеся до рта вилку, и ошарашено бурчит:

– Ты свихнулся, Ориджин?..

Однако тот, кому предназначалась речь, удовлетворенно кивает:

– Это именно та степень прямоты, какой мне хотелось, лорд Эрвин. Благодарю вас. Дом Ориджин – значительная сила, и, признаться, меня тревожило, что позиция этой силы неясна. Однако, – на щеках владыки проступают ямочки, – вы уж простите, но я – потомок Янмэй. Волей-неволей приходится заботиться об ее интересах, при всем моем уважении к Светлой Агате... Не скажете ли, что получит Корона от вашего удивительного предложения?

– Корона получит успех реформ, полный контроль над государством и, как милый довесок, свободу выбора спутницы жизни.

– Ваши утверждения требуют пояснений.

– Названные мною Великие Дома обладают такой воен-

ной силой и расположены таким образом, что сделают невозможным любой вассальный мятеж. Шиммери, Южный Путь, Альмера, Шейланд – какая бы земля ни попыталась воспротивиться воле вашего величества, она будет немедленно атакована по меньшей мере с двух сторон, сушей и морем. А присутствие ударных сил Ориджинов в Земле Короны послужит ясным предупреждением и удержит многих от... необдуманных поступков.

– Это верно, ваше величество, – говорит сир Уильям, быстро осознавший всю выгоду идеи. – Наши искровики – крепкие ребята, но за ними нет и половины той кровавой славы, что тянется за кайрами. Мы-то можем подавить любое восстание... Но чертовы северяне способны всех напугать так, что восстания не будет вовсе.

– Кроме того, ваше величество сможет отложить брак и не связывать себя с каким бы то ни было домом до тех пор, пока реформы не наберут ход. Никто не получит в свои руки лишнего влияния в то время, когда Корона находится в уязвимом положении. А поддержка со стороны Церкви обеспечит реформам благословение богов и содействие простого люда.

– И ваш союз, лорд Эрвин, проголосует за реформы в сентябрьской Палате?

– Да, ваше величество.

– Не настаивая на скорейшей помолвке?

– Нет, ваше величество.

– Леди Ребекка из Литленда?

– Дом Литленд осознает ее недостатки как невесты.

– Ваша сестра?

– Вы осчастливите весь Север, выбрав ее. Но мы поддержим реформы в любом случае.

Адриан пьет чай мелкими глотками, давая себе время поразмыслить. Катрин Катрин спрашивает:

– Прошу вас, милый лорд, повторите: чем должна будет расплатиться Корона за вашу щедрость? Четыре переправы, искровой цех, крупный морской порт, вагон золота для кайров, конфликт с Южным Путем, конфликт с вольными западными графствами... Я ничего не забыла?

– Все верно, любезная леди Катрин. Короне нужно будет сделать следующее. Во-первых, не делать ничего, когда Литленды займут переправы. Во-вторых, не делать ничего, пока войска Ориджинов и Нортвудов захватывают порт Уиндли. В-третьих, дать денег Надежде на искровой цех... которые со временем вернутся в казну, ведь искроцех будет обложен налогом по закону о реформах. В-четвертых, оплатить размещение кайров в столичных землях – и эти деньги также вернутся благодаря налогу с герцогства Ориджин. Вы полностью правы, леди Катрин: возникнет конфликт с Южным Путем и западными землями. Но он возникнет при любом ходе событий, если только его величество не обручится с Валери Грейсенд.

К великому удовольствию Эрвина, император едва замет-

но морщится при последнем имени.

Генерал Дейви говорит:

– Пожалуй, Ориджин прав. Вельможи Южного Пути прибегут к нам с мольбой и проголосуют за что угодно, как только первый северянин с мечом перейдет их границу. А западники возмутятся, когда герцог Литленд возьмет себе переправы, но западники в любом случае окрысятся против реформ. Они до сих пор молятся коню и быку – какие к чертям рельсовые дороги?

– Герцог Айден Альмера... – медленно произносит император.

– ...Очень и очень расстроится, однако будет вынужден смириться, если захочет сохранить звание первого советника Короны. Вряд ли советник сможет протестовать против плана, который несет Короне очевидную выгоду.

– Я имею в виду, – с расстановкой говорит владыка, – что герцог Айден Альмера также предложил план, ведущий к безоговорочному успеху реформ.

– И включающий брак вашего величества с леди Аланис.

Наступившее молчание – хороший признак. Катрин Катрин не спешит защищать Аланис – в кои-то веки она согласна с Ориджином. Его величество также не возражает, но колеблется – взгляд чуть в сторону и вниз. Эрвин добавляет:

– Не в силах Айдена Альмеры помешать предложенному мною плану.

– Следует понимать это так, что вы в силах разрушить его

планы?

Вот тут Эрвин совершает ошибку. Крохотную, не сразу им самим замеченную. Стоило ответить мягко – нечто о верности владыке и нежелании раздоров. Уже довольно прозвучало жестких фраз для одной беседы. Но Эрвин, окрыленный стремительным успехом, роняет фразу – весьма и весьма значительную:

– Питаю надежду.

С ударением на последнее слово. Надежда. Айден Альмера козырял перед владыкой своим союзом с Надеждой. Намек Эрвина означает: Надежда верна мне, а не Айдену. Я могу разрушить айденовскую коалицию, он мою – нет. Весомый довод. Но существует точка зрения, с которой слово Эрвина напоминает угрозу.

Адриан бросает взгляд на Катрин Катрин, и та чуть заметно кивает. Чертовке откуда-то уже известен тайный брачный договор Ориджина с Фарвеем.

– Ваш план хорошо подготовлен, лорд Эрвин, – с нотой уважения произносит император. – Что думает о нем ваш лорд-отец?

Лгать императору – скверная идея. Тем более что слова легко проверить: от Фаунтерры до Лабелина двое суток поездом, от Лабелина до Первой Зимы – сутки голубиноного полета.

– Отец пока не знает. Я действовал на свое усмотрение, а не по его слову. Я уверен: если вашему величеству план

придется по душе, герцог Десмонд также охотно поддержит его.

Владыка Адриан кивает и произносит мягко, без тени нажима:

– Я желал бы услышать подтверждение от самого герцога Десмонда.

– Непременно сообщу ему об этом, ваше величество, – кивает Эрвин.

Его величество вспоминает о лакомстве, стоящем на столе. Скусывает мякоть с дольки апельсина, приятно светским тоном говорит:

– Пришелся ли вам по нраву зимний бал?

– Он был прекрасен, ваше величество, – отвечает Эрвин и кладет в рот первый кусочек кремового пирожного.

* * *

В лужицах на полу извивались жирные дождевые черви.

Розовые, скользкие. Растягивались и сокращались, скручивались в петельки, напозлали друг на друга. Мерзость!

Запасы пищи исчерпались вчера. Точнее, вчерашний завтрак состоял из одного – последнего – сухаря. Эрвин сгрыз его и запил соком змей-травы. Вспышка боли заглушила чувство голода. Позже, вечером, очнулся от забытья и понял, что сил хватит на что-то одно: поиски еды или медицинскую пытку. Эрвин выбрал последнее: от голода не умрешь за сут-

ки, от гнилой крови – легко.

Но теперь откладывать вопрос пропитания было нельзя. Желудок сводило спазмом, кишки скручивались в узел, как дождевые черви. А хуже другое: Эрвин слаб, как младенец. Борьба с хворью отняла силы. Рана сделалась лучше: опухоль уменьшилась, лихорадка ослабла. Однако сражение далось слишком тяжело: сквозь кожу проступили ребра, без того тонкие пальцы стали похожи на косточки скелета. Змейтрава помогает, но если срочно не найти пищу, то попросту не хватит сил на выздоровление. Добыть ее нужно сейчас: еще день – и он не сможет сдвинуться с места.

Эрвин София Джессика глядел на дождевых червей. Один конец червя тупее и темнее другого, примерно посередине тела – утолщение. Тупой конец тычется в стороны, щупает. Острый только извивается – это вроде как хвост. Говорят, если разрезать червя надвое, каждая половина продолжить жить. Нет ни головы, ни сердца – ничего жизненно важного. Если откусить кусок червя, он продолжит извиваться во рту, пока не будет пережеван в кашу...

Несмотря на пустой желудок, Эрвина чуть не вывернуло наизнанку. Он отвел взгляд от лужи и сказал вслух:

– Как наследный герцог Ориджин, я ставлю перед собой амбициозную цель: выжить и не жрать червей. Кто-то сказал бы, что это фантастично или вовсе невыполнимо. Многие назвали бы меня наивным мечтателем. Но величие стратега определяется размахом его планов, верно? И вот мой план:

я выживу и обойдусь без червей в своем рационе!

Подлинный размах стратегического замысла Эрвин осознал сразу же: короткий монолог утомил его, словно забег в полмили. Понадобилось несколько минут, чтобы отдышаться. А предстояло следующее: подняться, взвести арбалет, выйти в лес, отыскать дичь, выстрелить и попасть.

Пункт первый удался частично: подняться на ноги не вышло, но Эрвин почти успешно сполз с лежанки, ляпнулся на пол, едва не придавив нескольких кольчатых тварей, встал на четвереньки и докарабкался до выхода.

Пункт второй вызвал сложности: левая рука по-прежнему играла роль мятежного вассала и выполняла только часть приказов лорда. Она охотно соглашалась сгибаться в локте, в плече двигалась слабо, огрызаясь острой болью под ключицей, а кисть и пальцы вели себя вовсе непредсказуемо. Миссию «снаряжение арбалета» пришлось поручить тем частям тела, что еще хранили верность: правой руке и ногам. Зажав оружие бедрами, он принялся крутить колесико. При всяком неловком движении арбалет выскакивал из захвата, и усилия пропадали впустую. Обыкновенно при этом Эрвин еще получал удар прикладом в грудь, от которого рана не выла, но весьма ощутимо поскуливала. Кто бы мог подумать, что держать оружие ногами – полезный для жизни навык! Когда наконец тетива защелкнулась в замок, а болт лег в канавку, Эрвин выбрался на улицу.

Третий пункт плана: отыскать дичь. Ничего сложного!

Дождь утих, светило солнце, пичуги щебетали повсюду, заходились трелями, пытаясь перекричать друг друга. В поле зрения попала и парочка белок: одна огненно-рыжая, другая – с серебристой подпалиной. Рыжая сидела на ветке ближайшей сосны и что-то грызла, стремительно вращая в лапках.

Остался четвертый пункт – ха-ха! Эрвин поднял арбалет. Ну, поднял – сильное слово. Правая рука потащила оружие к плечу, и оно оказалось тяжеленным, как полный рыцарский доспех. Попытался помочь левой – она годилась лишь как хилая подпорка. Кое-как приставил приклад к плечу, глянул вдоль ложа. Арбалет шатался и трясся, на прицеле оказывалась сосна, поляна, кусок неба меж ветвей, кусты папоротника... Эрвин опустил оружие и сделал передышку, дождался, пока дыхание выровняется, собрался с силами. Поднял арбалет. Усилие, требуемое, чтобы взять оружие наизготовку, оказывалось на грани возможностей. Перед глазами тут же вспыхивали красные круги, а руки дрожали, как листья на ветру. Белка никуда не спешила, деловито грызла свой орех, прицокивая зубками. Она чувствовала себя в полной безопасности. Даже будь она размером с корову, и то Эрвин не смог бы подстрелить ее.

Однако белка ела орех! Вряд ли ей доставили его из графства Нортвуд!

В круге видимости было несколько кустов. Эрвин понятия не имел, как выглядит куст лесных орехов. Когда-то Колемон

показывал ему, и он не обратил внимания, из вежливости сделав вид, будто слушает.

– Я совершу эксплорату, – сказал себе Эрвин. – Вновь открытые месторождения лещины будут присоединены ко владениям дома Ориджин.

Маршрут таков. Ярдов пятнадцать до ближайшего куста, затем десять – до следующего, еще пятнадцать – до третьего, и десять – от третьего куста до полянки со змей-травой. Пятьдесят ярдов – это на грани человеческих возможностей. Почти как плавание Крейга-Морехода вокруг всего Полариса из Уиндли в Беломорье. Вернуться в землянку точно не удастся, так что миску, нож, кисточку и ордж лучше взять с собою. И арбалет – мало ли кто встретится в столь долгом путешествии! Упаковав предметы в мешок и закинув его на спину вместе с оружием, Эрвин двинулся в путь.

Расстояние до ближнего куста он одолел с двумя передышками. Встав на колени, тщательно осмотрел ветви. Ничего похожего на орехи – лишь колючки да очень мелкие черные ягоды, горькие на вкус. Эрвин вовремя заподозрил, что они ядовиты.

На пути ко второму кусту встретилось неожиданное препятствие: упавшее дерево. Тут не помешала бы осадная башня или рота военных инженеров, чтобы навести временный мост... Кое-как Эрвин справился с преградой – взобрался на ствол, будто на крепостной вал, и скатился на другую сторону.

Второй куст был начисто лишен плодов. Эрвин глядел на него, бессильно переводя дух, и вдруг вспомнил такое, от чего покрылся холодным потом. Лещина не плодоносит в июне! В августе или сентябре, но не в начале лета. Орехов не будет. Придется вернуться в землянку и...

При мысли о червях Эрвина стошнило желудочным соком. В голове немного прояснилось, и он подумал: белка. Рыжий зверек ел орех – откуда взял? Сохранил в дупле с прошлой осени? Да ладно! Это же дупло, а не погреб! Чтобы хватило аж до июня, сколько орехов нужно запихнуть в дупло?..

Эрвин пополз к третьему кусту. Он почти не помнил рассказов Колемона о флоре Запределья, однако помнил, чего не было в этих рассказах: слова «лещина». Запредельные орехи зовутся как-то иначе... Может, они и растут в другое время?

Десяток ярдов до куста он преодолевал так медленно, что мог в дороге помолиться всем Праматерям по очереди. Взамен Эрвин считал в уме. Он сумел сколотить союз лордов – это успех. Отец уснул в Запределье – это неудача. В Запределье не умер от простуды, не упал со скалы, не утонул в болоте – успех. Но потерял всех бойцов и получил дыру в груди – неудача. Остался жив и добрался до землянки – хорошо. Заработал гнилую кровь – скверно. Нашел змей-траву и справился с хворью – хорошо. Но руки трясутся так, что не до охоты, – скверно. По всему выходит, теперь очередь

успеха. Светлая Агата то смеется над ним, то помогает – и сейчас самое время для помощи.

Около полудня Эрвин достиг третьего куста. Крепкие, бодрые орешки лепились к веточкам, прячась под листьями. Не лещина – другие, прежде не виданные. Но съедобные, если судить по белке! Радость Эрвина, впрочем, была непродолжительной: ровно до момента, когда он попытался раскусить первый орех и чуть не сломал зуб. Белка – рыжая счастливица – имела весьма острые зубки. А в распоряжении Эрвина был арбалет, железная миска и кинжал. Он сел, положил арбалет между ног, на деревянное ложе поставил миску, зажав ее бедрами. Внутри бросил орех и что было сил треснул рукоятью кинжала. Не попал, миска загремела. Ударил вновь – слишком слабо. Размахнулся из-за головы, обрушил на скорлупу всю мощь своего гнева – орех выскочил из миски и улетел ко всем чертям. Эрвин сказал несколько слов, которые повергли бы в смятение его благородных сестру и мать. Высыпал в миску горсть орехов и принялся крушить короткими, но яростными ударами, с каждым промахом совершенствуя технику атаки. Стук! Стук! Звяк! Стук! Хрусь!

Первая скорлупа треснула, Эрвин добил ее и выгрыз долгожданный орешек. Тот был меньше ногтя. Чтобы насытиться, понадобится несколько дюжин. Но Эрвин на время позабыл об усталости – его охватил азарт битвы, опьянил вкус вражеской крови. Каждый новый удар выходил точнее прежнего, все чаще и чаще скорлупа хрустела под его атаками.

Хрусь! Хрусь! О, как сладостен этот звук! Сейчас Эрвин полностью понимал тех рыцарей, кто наивысшим наслаждением почитает кровавую битву. Этот головокружительный восторг, когда очередной орех трещит и лопается, сокрушенный ударом рукояти. Наверное, такое же чувство испытывают рыцари, пробивая мечом забрало врага!

Эрвин не остановился, пока не объел весь куст. Только три ореха спаслись паническим бегством, выскочив из миски. Все прочие пали жертвами разящей десницы северянина, оказав, впрочем, достойное сопротивление.

Едва битва окончилась, живот и веки сразу отяжелели. Нет, встревожился Эрвин, не спать. Нельзя! Хворь отступит, но еще очень опасна. Нужно обработать рану, лишь потом спать! Словно подтверждая его мысли, жжение в груди усилилось, спину пробрал озноб. Эрвин двинулся в путь. Добравшись до поляны змей-травы, он первым делом взвел арбалет. Долгая и непростая работа, однако нужная: мало ли какой зверь явится сюда. Потом срезал несколько пучков травы, не спеша перетер в миске, отжал сок, выбросил жмых. Проверил, чтобы арбалет лежал в удобной близости от правой руки. Промыл орджем кисточку и кинжал. Кажется, все. Эрвин истратил все возможные поводы для отсрочки. Пора переходить к пытке.

– Я выживу, – сказал Эрвин, и при первом же слове понял, что сегодня не сможет совершить процедуру.

Никакой ценой. Не из-за боли, а от беспредельной уста-

лости. Она заполнила душу и лилась через край. Сила воли растворилась в море усталости без следа.

Эрвин ощупал рану и понял: опухоль спала настолько, что можно обойтись без кинжала, лишь пальцами и кистью. Это известие не помогло. Ядовитый сок сам по себе причиняет зверскую боль, а терпеть ее сил не осталось.

Полежу час-другой, сказал он себе. Орехи и сон немного восстановят силы. Наверное, станет легче... Смежил веки, прекрасно понимая, что совершает ошибку. Тут же нахлынула дремота, смывая остатки мыслей.

Невдалеке хрустнула ветка. Мгновенно проснувшись, Эрвин поднял голову и увидел серого зверя. Шагах в десяти стоял волк: ощеренная верхняя губа, шерсть дыбом вдоль загривка. Эрвин повернул арбалет, чтобы взять зверя на прицел, и тут понял, что это не волк, а собака. Крупная серая овчарка.

Эрвин даже знал ее имя.

Вдруг он рассмеялся. Прерывисто и хрипло, мучительно, со всею бесконечной силой усталости.

– Джемис Лиллидей!.. – сквозь смех прокашлял Эрвин. – Где вас носило? Что же не пришли неделей раньше? Вы безнадежно упустили первенство!

Бывший кайр Джемис вышел на поляну, остановился рядом с овчаркой. На лице воина слились в причудливую смесь потрясение, досада, растерянность. Эрвин продолжал хохотать.

тать.

– Предатель-механик, отряд искровой пехоты, гнилая кровь, яд змей-травы... Бедный Джемис! Вы – последний в очереди желающих меня убить! Как же вам, должно быть, обидно!

Джемис стремительно двинулся к лорду. Тот вскинул арбалет с неожиданной для самого себя прытью. Но воин прыгнул в сторону, уходя из-под прицела, рванулся вперед – и вот уже стоял над Эрвином, прижав арбалет ногою к земле.

– Осторожнее с этой штукой, милорд. Чего доброго, подстрелите меня, а одному вам не выжить.

Монета

*Конец июня 1774 года от Сошествия Праматерей
Окрестности Лабелина, герцогство Южный Путь*

На столе перед Хармоном находилась тарелка рисовой каши и пара лепешек. Имелась также ложка.

Не в силах поверить глазам, он протянул руку и потрогал. Взял комок риса, сунул в рот, проглотил. Настоящая каша. Еда!

Он набросился на пищу и, постанывая от мучительного удовольствия, в два счета проглотил все без остатка. Вылизал тарелку, словно собака; горестно оглядел пустую посуду. Желудок сводило от разочарования и неутоленного голода. Почему так мало? Сейчас он мог бы съесть целого кабана! Много позже Хармон порадовался, вспоминая этот день, что ему не дали ни кабана, ни хотя бы куриного бедрышка: ведь известно, что наестся мяса после долгого голода – это путь к мучительной и отвратной смерти. А в тот миг он лишь тосковал по еде, что исчезла так быстро, и пялился в тарелку осоловелым взглядом.

В комнате, где он находился, горел очаг. Тепло обволакивало узника, ласкало и убаюкивало. Резь в желудке притупилась, улеглась. Веки сомкнулись, и Хармон уснул – прямо так, сидя на стуле, с ложкой в руке.

Когда проснулся, он был в комнате не один. С ним находился человек: тучный, толстошей, с обвислыми щеками и лукавыми глазенками. Он походил на пивовара или хозяина преуспевающей гостиницы. Человек не торопился говорить, ожидая, пока Хармон оклемается.

Голод вновь царапал желудок, но не так мучительно, словно давал узнику передышку. Мысли зашевелились в голове, исподволь набирая ход. Они вытащили меня из подземелья, пока я был без чувств, и принесли сюда. Усадили за стол, накормили. Значит, я для чего-то нужен! Они видят во мне какой-то смысл. Возможно, сохранят жизнь. Возможно, сумею убедить их, что буду полезен.

Хармон облизал губы и произнес:

– Как я могу называть вас, добрый господин?

– Так и зови, – сказал тучный. Почесал складки на шее. – Стало быть, ты свел знакомство с Молчаливым Джеком.

Хармон вздрогнул, поглядев на свой рукав, бурый от запекшейся крови покойника. Тюремщик ухмыльнулся.

– Знаешь, сколько времени ты провел с Джеком?

– Нет, добрый господин.

– Шесть дней.

– Всего шесть? – Глаза у Хармона полезли на лоб. Кажется, прошла вечность!

– Говорю тебе это, чтобы ты понимал скорость, с какой течет время в темнице. Прошло шесть дней. Как бы тебе понравился месяц? Или год?..

– Этого не может быть! – выдохнул Хармон. – За месяц человек умрет с голоду.

– Мы не пожалеем для тебя немного сухарей. Будешь иметь выбор: попытаться уморить себя голодом, или же перекусить жилы...

Узник иступленно затряс головой.

– Добрый господин, нет, не делайте этого! Я пригожусь вам.

– Докажи, что годишься.

Хармон собрался с мыслями и повел рассказ. Излагал старательно и последовательно, со всеми подробностями, какие смог припомнить. Начал с графского письма, полученного в Излучине, рассказал о путешествии к Дымной Дали, о ребенке, которого хотели бросить из-за мора. Ребенок не относился к делу, но Хармон не боялся перестараться. Дальше повел речь о путешествии кораблем и о приеме у графа. Упомянул все возможные мелочи: и «Голос Короны», что читали на борту, и дурную Джоакинову выходку, и даже «птицу с южной душой». Разговор с графом Шейландом он воспроизвел чуть ли не дословно. Человек, похожий на пивовара, почесывал шею и благосклонно кивал.

Затем Хармон описал дорогу от Дымной Дали к Солтауну, столкновение с сиром Вомаком, бегство от погони, добрался до встречи с корабельщиком и во всех деталях пересказал их цветистый спор о цене. На всякий случай поведал даже о том, как предлагал Предмет барону Деррилу – хотя об этом

слуги барона знают и без него, но все же пускай убедятся в правдивости. Хармон окончил рассказ моментом, когда ночью к нему постучался Вихренок. Сложно поверить, что это было всего неделю назад... Жизнь тому назад – так будет вернее!

Тучный мужчина выслушал его, потер ладони, заговорил:
– Итак, Предмет достался тебе от графа Виттора Шейланда. Граф продает его затем, чтобы выплатить Ориджинам невестин выкуп. А к тебе обратился по совету своего кастеляна Гарольда. Так получается с твоих слов?

– Да, добрый господин, так и получается.

– Давеча моему товарищу ты сказал, дескать, леди Иона знает, что граф продает Священный Предмет. Верно?

Хармон соврал об этом, но теперь побоялся отступить.

– Да, добрый господин.

– Тогда выходит, если верить тебе, что герцог Ориджин – великий властитель Севера – отдал свою единственную дочь купеческому внуку, который к тому же распродает фамильное достояние. Правильно?

– Добрый господин, я не говорил, что герцог Ориджин знает о продаже, я только сказал о леди Ионе. И граф не распродает достояние, а продает всего лишь один Предмет.

– Да-а-а? – прищурил тучный свои лукавые глазенки. – И откуда ты это знаешь?

Хармон потер бороду. Она была грязной и слипшейся, будто кусок пакли.

– Если так посудить, добрый господин, то вы правы – я не знаю. Мне просто так показалось.

– Тогда вполне может быть, что граф Шейланд продает не один Предмет, а два или три?

– Да, добрый господин.

– А может быть и так, что дал тебе не один Предмет, а два? И первый ты уже продал негоцианту, а денежки припрятал?

По спине Хармона пробежался озноб.

– Нет, добрый господин, нет, верьте мне! Всего лишь один Предмет – Светлую Сферу, она теперь у вас!

– С чего я должен верить?

– Добрый господин, я диву давался, что граф мне и одного Предмет поручил! Где уж говорить о двух! Кто я, чтобы возить за пазухой целых два Священных Предмета?

– И верно, – дружелюбно согласился тучный, – ты – никто.

– Да, добрый господин.

– Скажи-ка мне вот что. Зачем графу Шейланду продавать святыню?

– Я уже сказал, добрый господин. Он хочет заплатить Ориджинам выкуп за принцессу Севера. Видать, занял у кого-то перед свадьбой, а теперь пытается вернуть долг.

– Да, ты это уже сказал. Но откуда знаешь? Граф с тобой пооткровенничал?

– Да, добрый господин.

– Да?

– То есть нет! Я сам догадался и высказал, а граф подтвер-

дил.

– Стало быть, прямо в лицо графу высказал: не продаете ли вы святыню, чтобы за невесту расплатиться? А он тебе: да, дорогой, ты прав. Так было?

– Да... нет, добрый господин, не совсем так.

Тучный поджал губы и раздраженно встряхнул щеками.

– Что-то частенько ты путаешься... Скучаешь по Молчаливому Джеку?

– Нет, нет, нет, добрый господин! Прошу, верьте мне! Видите ли, разговор с графом – он вышел такой странный, полным-полно было недомолвок и намеков. Сложно припомнить, кто именно сказал то или иное. Выходило так, что один намекнул, а второй догадался.

– И кто же намекнул о причине продажи?

– Я, добрый господин.

– А граф?

– Подтвердил мою догадку.

– Стало быть, Виттор Шейланд продает Предмет, чтобы расплатиться за невесту. И позвал для этого дела Хармона-торговца.

Толстяк повторил эту фразу уже, кажется, в третий раз и недоверчиво потербил подбородок.

– Добрый господин, – зачем-то сказал Хармон, – граф любит леди Иону.

– Да?

– Обожает. Пылинки сдувает.

– Вот как!..

– Добрый господин, вы просто не видели леди Иону.

Мужчина нацелил в нос Хармону пухлый указательный палец.

– Ты мне голову не морочь этой лирической дрянью! Это бабе своей будешь рассказывать! Меня не заботит леди Иона. Я не сомневаюсь, Ориджины взяли за нее громадный выкуп, и любовь тут ни при чем. Будь Иона слепой, хромой и юродивой, она все равно потомок Агаты, дочь герцога и сестра наследника! Заботит меня вовсе не она, а то, что графу Виттору – одному из богатейших людей Севера – пришлось продать святыню. А еще то, что для этой цели он привлек такую мелюзгу, как ты.

Тюремщик будто устал, произнося столь длинную речь. Уронил подбородок на ладони и вяло буркнул:

– Ну?..

Хармон понял, что от него требуют пояснений.

– Добрый господин, что касается первого вопроса, то я ведь не знаю, как у графа обстоят дела с монетой. Вы правы, я слишком мелок, чтобы понимать в таких делах.

– Угу...

– Что же до того, почему он выбрал именно меня... Я так думаю, он не хотел доверяться кому-то из собственных васалов, искал человека со стороны.

– И почему же?

– Чтобы слухи не расплзлись по графству. Меня в Шей-

ланде мало кто знает, стало быть, я мало кому смогу разболтать, даже если захочу. И еще...

– Еще?..

– Я полагаю, – с горечью на языке процедил Хармон, – граф бы расстроился, если бы кто-то из верных ему рыцарей угодил в гости к Молчаливому Джеку. А Хармона-торговца ему не жаль.

Толстяк хохотнул:

– Граф отдал серповую фишку... А это похоже. Давай-ка, торговец, припомни что-то еще. Глядишь, и заработаешь вторую миску каши.

– Гобарт-Синталь... – начал Хармон, но тучный сразу же перебил его:

– Чхать на корабельщика. Этот к делу не относится. Ты мне вот что скажи. Северная Принцесса – она все же знала о Предмете или не знала?

– Она, добрый господин, – осторожно ответил торговец, – ничем не показывала, что знает.

– Но ты все-таки решил, что она знает?

– Мне не верится, добрый господин, что у графа есть от нее какие-нибудь тайны.

– Хм.

Тут толстяк поднялся, обошел стол. Остановившись за спиной у Хармона, положил ему на плечи тяжелые ладони.

– А не может ли быть так, что это не Шейланд, а Ориджинны продают Предмет? А граф лишь им пособничает?

– Я... я... не знаю, добрый господин.

– Да светлый день, что ты не знаешь! А как думаешь?

– Думаю... думаю, это вряд ли, добрый господин.

– Почему так думаешь?

– Леди Иона... она слишком... слишком благородна, чтобы торговать божьими дарами.

– Пх!

– И еще, ей было слишком наплевать на меня. Кабы продавали ее родовую святыню, она беспокоилась бы.

– Хорошо, молодчинка. – Толстяк потрепал Хармона по волосам, словно собаку. Торговец не удержался и вздрогнул. Тучный мужчина наклонился и прошептал ему в ухо – дыхание отдавало кислятиной:

– А твой этот воин, Джоакин, он откуда взялся?

– При чем здесь... – Хармон осекся, когда тюремщик сдвинул ему плечи, вогнав указательные пальцы повыше ключиц. У него оказались на диво сильные руки. Хармон дернулся от боли. – Я нанял Джоакина в Смолдене! Сейчас расскажу, как все было!

Выслушав рассказ про потешный бой, мужчина оставил в покое Хармоновы плечи и вернулся на место.

– Этот Джоакин – он странный в чем-то?

Хармон слабо улыбнулся:

– Он, добрый господин, почти во всем странный. Легче перечислить, чем он не странный: дерется хорошо. А в остальном – посудите сами.

Он рассказал о Джоакиновых мечтах, о странице из «Голоса», о заранее придуманном дворянском гербе, о леди Аланис Альмере... Позабыл про искровой кинжал, но потом вспомнил, упомянул и его.

– Стало быть, ты нанял странного охранника с искровым кинжалом, – проворчал тучный тюремщик. И так это значительно у него вышло, что Хармона осенило.

– Вы думаете, Джоакин служит на сторону?..

– Нанял ты, значит, странного охранника, – повторил толстяк. – Этот охранник зачем-то с шейландовцами пособачился. Потом защитил тебя от мелкого лордика. Потом чего-то размечтался про замок и герб. Занятно выходит...

– Добрый господин, не верится мне в это...

– Да ну?

– Джоакин – он добрый малый... Глупый, горячий, голова в облаках... но добрый. Он даже разбойников в лесу не порезал насмерть, старался лишь ранить.

– Угу...

– Да и слишком у него башка всяким рыцарством забита. Разве смог бы он так ловко схитрить?

– Угу...

– И не знал Джоакин о Предмете, вот что! Кабы он служил графу, то мог бы сам привезти мне Сферу для продажи, незачем было в Уэймар ездить. А кабы служил кому-то другому – так откуда ему было в Смолдене знать, что именно мне граф поручит продать святыню, если я и сам тогда этого

не знал? Я даже не знал, заеду ли в Излучину за письмом – это только по ходу решилось!

– Угу... – снова буркнул тюремщик и вдруг спросил: – А где сейчас этот Джоакин?

Хармон сглотнул.

– Я не знаю, добрый господин. Мы ведь повздорили перед самым... ну, перед тем как вы меня...

– Повздорили, значит?

– Верно. Он, Джоакин, шибко нос задрал: дескать, он – герой, а Хармон-торговец – отребье. Я ему не спустил, мордой натыкал. Он разобиделся и ушел. Так все было!

– Так было, значит?

– Да вы слуг своих спросите! Они когда в гостиницу пришли, там всех моих людей застали, а Джоакина-то и не...

Хармон осекся. Тьма! Проклятая тьма! Мои люди в гостинице – что с ними сделали?! Как же я не вспомнил раньше? Бедняжка Полли! Где ты, что с тобой?

– О чем подумал? – требовательно бросил тучный.

– Мои люди, добрый господин... Что с ними будет?

– От тебя зависит, дружок. И что с тобой самим будет – это тоже.

– Добрый господин, могу ли я спросить, они все живы? Там девушка была, Полли...

– Потрудишься как следует – выживут.

– Что мне сделать? Только скажите!

Тюремщик расплылся в неприятной ухмылке.

– Всякие есть мыслишки. Но ты сперва посиди еще недельку со своим новым приятелем, подумай – авось еще что полезное вспомнишь.

– К Джеку?! Добрый господин, смилуйтесь! Я не переживу еще неделю! Я не молод, тело стареет, силы уже не те! Вы убьете меня!

Тучный развел руками.

– Добрый господин!.. – Хармон рванулся вперед, собираясь упасть на колени. Его щиколотки были привязаны к ножкам стула, и он опрокинулся ничком, увлекая за собой табурет.

Тюремщик расхохотался:

– Шут бородатый! Ладно, я дам тебе фунт сухарей. Смотри, не сожри сразу же, а то еще лопнешь. Ну-ка, браток, выдай ему гостинец и отправляй к Джеку!

Давешний верзила с дубинкой – он сменил кожаный фартук на красную рубаху – отвязал Хармона от стула, поднял на ноги и надел на голову мешок.

Я пропал. Мне конец, думал Хармон Паула Роджер. Пахло сыростью и тлением. Стояла крошечная тишь. Слышно было, как по стене сбегает капли воды.

Он съел все сухари в тот же день, когда получил их. Сперва аккуратно разделил на семь горок – из расчета на неделю. Разложил вдоль чистой стены. Чистая стена – противоположная той, у которой сидит мертвец. В каждой горке вы-

шло по пять сухарей, кроме последней – в ней было четыре. Если удовлетвориться пятью в день, то можно прожить неделю. Хармон принялся за первую горку. Размочил сухарь в тонкой полоске влаги, тянущейся по стене. Для этого пришлось прижать его к трещине на долгие минуты, поворачивая то одной, то другой стороной. Затем Хармон Паула сунул его в рот. Говорят, с голодухи даже редька слаще меда. Хармон убедился в обратном: сухарь не показался изысканным лакомством. Это был безвкусный кусочек хлеба, и он был чертовски мал. Сухарик упал в желудок, как в черную бездну, и исчез без следа. Голод ничуть не стал слабее.

Хармон размочил и проглотил второй, третий. Пропать не заполнялась, а, напротив, становилась все более ощутимой и зияющей. Пульсировала в брюхе, рычала и царапалась – дикий зверь, которого малая добыча не удовлетворила, а лишь раззадорила. Казалось, вот-вот желудок начнет всасывать и переваривать сердце, легкие, печень Хармона.

Следующие сухари он сгрыз, не размачивая. Не терял времени – просто швырял в рот и ожесточенно жевал, постанывая от злости и нетерпения. Когда первая горка подошла к концу, голодный зверь в брюхе еще только проснулся и приступил к трапезе.

Беды не будет, если съем и вторую, – утешал себя Хармон. На семь дней растянуть или на шесть – велика ли разница? Все равно ведь не знаю, когда начинается и кончается день!.. А пальцы тем временем уже совали в рот новые и новые су-

хари. Зверь в желудке ревел: «Еще! Еще! Еще!» – и царапал когтями кишки. Хармон исступленно грыз и глотал, грыз и глотал, грыз и глотал. Успел заметить, что приступил уже к третьей горке, а затем мысли пропали вовсе. Осталось одно лишь ощущение: сладостная тяжесть в желудке, что росла с каждым кусочком пищи. Не властный над собою, Хармон остановился, лишь когда потянулся пальцами за очередным сухарем и нащупал голый каменный пол.

А немного погодя начались муки. Сухой хлеб быстро впитал всю влагу, что имелась в желудке, и превратился в жесткий, грузный ком. Давил, распирал изнутри, пронизывал внутренности спазмами. Хармон пришел в ужас от мысли, что не сможет удержать в себе пищу. Приник языком к струйке воды и запоздало принялся запивать сухари. Вода сочилась медленно, трудно было устоять в неудобной позе так долго, чтобы сделать несколько глотков подряд. Хармон глотал, устало падал на пол, но, мучимый болями в животе, опять вставал и пытался напиться, и вновь находил силы лишь на несколько глотков. Он не знал, какую боль способны причинить каленые клещи или Спелое Яблочко, но те страдания, на какие обрек его фунт сухарей, оказались худшей мукой за всю его жизнь.

Изнуренный и отупевший от боли, Хармон тер себя по животу. Распахивал камзол, клал руки на голое раздувшееся брюхо и люто ненавидел себя. Дурак! Прожорливый дурак! Что ты натворил, пустая твоя башка?! Спазм сводил тело, он

терзал руками собственную бороду, комкал одежду. Пальцы нащупывали вышивку на камзоле – дворянский вензель. Джек, думал Хармон, Джек! Ты тоже сожрал сразу все, как я, и от этого помер? Нет уж, точно нет! Ты был умнее, ты все разделил ровнехонько на неделю, и нашел способ отмерить время, и не съедал ни крошки сверх меры. Эх, Хармон, Хармон... Дурачина! А-а-а, как больно-то!

Спазмы накатывали волнами, и, едва они отступали, Хармон принимался пить. Одни боги знают, каких усилий ему это стоило, но торговец все же сумел слизать достаточно воды, чтобы размочить сухой ком в желудке. Спустя время боль пошла на убыль, и узник забылся сном. Проснулся от холода, запахнул камзол, сжался в комок и уснул опять.

Когда пробудился вновь, голова была ясна, в теле ощущались силы... но желудок был пуст. Сосало под ложечкой. На всякий случай Хармон ощупал пол вдоль всей чистой стены. Результат, впрочем, он знал заранее: ни единого сухарика. Вчера он съел все до последнего.

Я пропал, подумал Хармон. Подохну от голода.

Толстяк сказал: «Посиди еще недельку». Шесть дней без еды можно вытерпеть. Но сейчас голова работала ясно, и Хармон понимал: через шесть дней его отсюда не выпустят. Зачем им это? Ведь он рассказал все, что знал! Какой еще прок тюремщикам от бедного узника? Им больше нет резона даже говорить с ним! А уж отпустить на волю – это и вообще сказка! Ведь он, Хармон, знает и похитителя Предмета, и

подлинного хозяина! Отпусти торговца – и он расскажет обо всем графу Виттору, тогда барон Деррил не оберется неприятностей. А зачем это барону? Не проще ли похоронить Хармона заживо и забыть?!

Дурак! Дубина! Болван! Ну и болван же я был, что все рассказал честно! Надо было пытаться выкрутить, схитрить, придумать что-то. Соврать, допустим, что я должен показаться людям графа в определенный день в назначенном месте – для страховки. Сказать, будто Шейланд знает, что я направлялся к Деррилу, и за мной следили графские воины. Не думаете же вы, добрый господин, что граф доверил мне такую ценность и не послал никого проследить?! Или еще лучше: это не лорд Виттор дал мне Предмет, а леди Иона. И так сказала при этом: «Мне служат рыцари-кайры, никто из них не станет пачкать руки продажей святыни. Но они пойдут за вами следом, любезный Хармон, и обеспечат защиту вам и Предмету – за это можете быть спокойны». Вот что надо было сказать тюремщикам! А потом прибавить этак вкрадчиво: «Вы же знаете, добрые господа, что воины Севера – люди без души. Слыхали поговорку: скорее лев зарыдает над добычей, чем кайр помилует врага. Вообразите, дорогие мои, что с вами сделают северяне, когда придут сюда?..»

Эх, дубина! Задним числом всегда так хорошо думается! Столько отличных мыслей приходит, да поздно! Еще вчера я имел неслыханную роскошь: возможность говорить. И, дурак, даже не понял, насколько это важно и как легко этого

лишиться! Я говорил с тюремщиком – значит, мог его обхитрить, умаслить, подкупить, запугать, убедить... Но ничего не сделал, только блял трусливо, как овца! А сегодня – упущено, миновало. Было да сплыло. Я все рассказал вчера – им больше нет смысла говорить со мной! Шанс упущен!

Он зарыдал, сотрясаясь всем телом. Слезы полились по щекам и грязной бороде. В отчаянии Хармон забил по камням руками, ногами, затылком. Дурак, дурак, несчастный дурак!

Наткнулся пяткой на череп Джека и со злобой пнул. Вот костяшка, в которой мозгов было побольше, чем у Хармона-торговца! Джек уж точно не выложил все, как школяр на уроке! Сказал тюремщикам: «Провались во тьму! Ни слова не скажу». Они взялись ломать ему кости и сдирать кожу. Когда прервались, Джек говорит тюремщику: «Исполни мою последнюю просьбу, тогда расскажу, что знаю». Тюремщик: «Какую просьбу?» А Джек: «Зажми мне нос». Тюремщик удивился: «Это еще зачем?» А Джек в ответ: «Чтобы не чувствовать, как смердит дерьмо, из которого ты сделан! Остальные пытки – пустяки, а вот вони твоей, боюсь, не выдержу!» Тогда уж они крепко за него взялись... но все равно ничего не смогли выжать, потому и бросили Джека сюда, в подземелье – решили, что если не боль, так голод из него вырвет признание.

Хармон вновь мерил камеру шагами, натыкаясь на стены. Подпрыгивал, пытаясь согреться. Прижимал язык к камням,

пытаясь напиться. Молился, когда ужас позволял ему связать хоть несколько слов. Молился Елене Прозорливой – святой покровительнице купцов. Елена не отвечала ему, и Хармон хорошо знал, за что святая на него гневается. Ему был дан прекрасный товар, а он – дубина! – провалил все дело. Пожадничал, ушел от корабельщика, ради лишних восьмисот эфесов поперся к жестокому барону – и вот, получай!

Он молился святой Вивиан – Праматери графа Виттора, и Светлой Агате – Праматери леди Ионы. Он не знал молитв этим святым, поэтому обычными словами рассказывал им, как все было, и шептал сквозь слезы: «Пощадите! Пошлите спасение, умоляю вас! Святые матушки, дайте мне выжить! Ведь я старался ради ваших детей, помогал любви графа...» Вивиан молчала, как и Агата. Святые видели Хармона насквозь и знали, что он лукавит. Торговец хотел набить свой кошелек.

Хармон облизывал влажную стену, размазывал по щекам слезы и принимался молиться Праматери Янмэй – величайшей из всех. «Пресвятая матушка, сжался надо мною, пошли мне крошку твоей милости! Ведь недаром прозвали тебя люди – Янмэй Милосердная! А еще зовут тебя – Янмэй Избавительница, Янмэй, Несущая Спасение! Спаси меня, избавь от страданий, молю тебя, всеблагая матушка!»

Янмэй Милосердная, Праматерь императоров Блистательной Династии, ответила Хармону-торговцу. Озарением возникла в его голове сценка – всплыла из глубины памя-

ти, давным-давно услышанная и позабытая. Хармон вспомнил, отчего Праматерь Янмэй зовут Милосердной. Вспомнил – и похолодел. Святая Ульяна – семнадцатая Праматерь, не оставившая потомков, – столкнулась в лесу с клыканом. Зверь разметал воинов и продырявил Ульяну своим рогом. Рана была столь страшна, что не осталось надежды на спасение: даже Священные Предметы оказались бессильны. Ульяна взмолилась, чтобы воины избавили ее от страданий, но никто не решался поднять руку на посланницу богов. Лишь один человек осмелился на это. Праматерь Янмэй вогнала стилет в сердце Ульяны, подарив ей милосердие...

Боги, неужели таков и есть ответ?! Неужели лучшее, о чем можно мечтать, – это быстрая смерть?!

Проходили часы, а может, сутки. Внутренности Хармона сделались клубком ядовитых змей, грызущих друг друга. Вновь и вновь он думал, не мог не думать: каково это – умирать от голода?

Каково тебе было, Джек? Что ты чувствовал? Сколько дней, недель, месяцев голод сжирал тебя изнутри?! Или, может быть, железо палачей до того изувечило тебя, что околел в считанные часы? О, счастливчик! Умный счастливчик, будь ты проклят! Сразу понял, что лучше пойти под пытки, – это всяко быстрее голодной смерти. Какой-то денек страданий – и все, здравствуй, Звезда!

Или, может, Джек, ты был еще хитрее? Ведь умер у сухой стены, а не под стружкой влаги! Скажи: ты уморил себя жаж-

дой? Дал себе приказ: не пить ни глотка. День просидел спокойно, второй перетерпел, на третий впал в забытие. Простое дело! Достаточно лишь заставить себя не пить. Чертов дворянин! Как ты это сумел? Как вытерпел – слышать звук воды, сторгать от жажды, но не припасть к струйке? Кто родил тебя, кто воспитал? Где ты взял такую силу воли?!

Хармон комкал на груди ткань с фамильным гербом Джека, и к ужасу в груди примешивалась черная зависть. Торговец теперь не сомневался: его предшественник нашел способ умереть быстро. Это потребовало железного самоконтроля, но Джек сумел. А Хармон-торговец не сможет. Ему предстоит вечность мучений.

Милосердная Янмэй...

Когда вверху раздался скрип, Хармон поднял голову и смотрел, смотрел, смотрел в проем, не в силах поверить. Люк был открыт, и факельный свет озарял лицо молодого воина.

– Ну, и дыра!.. – Сказал Джоакин Ив Ханна. – Хватайтесь за руку, вылезайте. Ну же!

Искра

20 июня 1774 года

Фаунтерра – Бледный Луг – Фаунтерра

Как чувствует себя подсудимый перед объявлением приговора?

Вероятно, так. Он – она – лежит на спине, поминутно вздрагивая от боли. Судья – лысеющий старик, одетый в жилет и сюртук, несмотря на летний зной, – вдавливая сучковатые пальцы в живот подсудимой. То выше пупка, то ниже, то правее, то левее. Под правым ребром нажатие отзывается резкой болью, заставляя подсудимую морщиться. Судья давит вновь и вновь – предъявляет боль под ребром, как уничижающую улику, и требует признания:

– Что чувствуете, миледи? Вот здесь – плохонько, да?

Ночная блуза подсудимой поднята аж до груди. Судья глядит сквозь пенсне на белый плоский животик, отчего девушка чувствует себя униженно обнаженной и беззащитной. Впрочем, ничего другого ей, подсудимой, и не полагается. Она выдавливает признание:

– Больно... Здесь, под вашими пальцами, да...

– Какая боль? – уточняет судья и мечет пригоршню юридических терминов, малопонятных для подсудимой: – Режущая боль? Колющая? Тупая или острая? Пульсирующая или продолжительная?

– Иглы... – говорит подсудимая. – Как будто иглы.

– М-да, миледи... Дело понятное...

Она не может понять, почему судья медлит. Ведь он уже знает приговор! Зачем тянет время, почему не скажет напрямик? Пытка ожиданием – это часть приговора? Или судья хочет, чтобы она унизилась и стала умолять. Что ж, подсудимая вряд ли может позволить себе гордость.

– Что со мною, сударь? – спрашивает она.

Впервые судья отрывает взгляд от ее живота, сверкает ей в лицо холодными стекляшками пенсне:

– Миледи, вы страдаете печеночной хворью.

Сказав это, он умолкает с таким видом, будто краткою фразой выражена уже вся ее дальнейшая судьба. Зачем он издевается над нею? Ведь она – не закоренелый преступник, впервые за недолгую жизнь предстала перед судом. Откуда ей знать смысл подобных слов?

– Что это значит?... – спрашивает она.

Судья отвечает многословно – работает на публику. В первом ряду зрительского зала – выскородная дама, северная графиня. Законник поворачивается к ней и принимается блистать ученым красноречием:

– Извольте видеть, ваша милость, в тело юной проникли болезнетворные миазмы и расположились в печенке – вот здесь. – Подсудимая вздрагивает, когда он тычет ей под ребро. – Теперь печень окутана хворью, как будто паутиной. Она вырабатывает излишек желчи, каковая и отравляет тело.

Подсудимая силится понять, но не слышит в речи судьи главного: что с нею будет? Какая судьба ждет впереди?

Графиня спрашивает – невпопад, не о главном:

– Какое лечение требуется?

Судья с радостью разворачивает ответ:

– Печеночная хворь весьма непроста, миледи. Поскольку не имеется прямого лекарственного доступа к пострадавшему органу, придется действовать опосредованно. Основую нашего лечения станет кровопускание. Вы понимаете, миледи, что кровь протекает через все органы тела. Она вымывает хворь из печени, но загрязняется сама. Нашею задачей будет убрать из тела как можно больше грязной крови, а для ее замещения пить утром и вечером красное вино. Помимо того, применим и травяные снадобья, как то...

Подсудимой хочется взвыть. Скажите наконец главное! Оставьте ваш птичий язык, ответьте на один-единственный вопрос!

– Я умру?

Судья снисходительно улыбается: что взять с наивной дурехи!

– Юная леди, ваше выздоровление в руках богов, а их деяния нельзя предсказать. Однако из медицинского опыта, каковой у меня, смею заметить, весьма велик, скажу следующее: при надлежащем уходе и точном следовании указаниям весьма вероятно, что хворь отступит через три дня после того, как вы совершенно ослабеете. Если же говорить пол-

ностью точно, то вы будете сперва опускаться в глубину хвори, затем проведете три дня в наихудшем состоянии, а потом пойдете на поправку ровно с той же скоростью, с какой прежде шли на убыль.

Приговор подразумевает всего лишь пытку, но не казнь? Подсудимая боится поверить, робко переспрашивает:

– Вы имеете в виду, что эта хворь не смертельна?

– В высшей степени! – грозно вещает судья. Окуляры блещут, затеняя глаза. – В высшей степени смертельна, юная леди!

Подсудимая холодеет, даже графиня испуганно ахает. Судья удовлетворенно покачивает головой. Он дает себе время насладиться моментом, а затем проявляет снисхождение:

– Это если брать без учета влияния медицинского ухода. Но если же с требуемой регулярностью применить те процедуры и снадобья, какие я предпишу, то риск смертельного исхода сделается пренебрежимо минимальным.

Подсудимая переводит дух. Она помилована! В сердце вспыхивает столь пламенная радость, что девушке становится стыдно. Это низко – так дрожать за свою жизнь! Замирать от животного ужаса в ожидании приговора – недостойная трусость.

– Вы предписываете кровопускание, сударь?

– Конечно, юная леди! В нем – основа всего процесса.

Она осмелела настолько, что позволяет себе крохотное возражение:

– Раненые воины слабеют, когда теряют кровь. Правильно ли, сударь, совершать те действия, что приведут к потере сил?

Судья одаривает ее новой снисходительной улыбкой:

– А то как же, юная леди! В этом и смысл! Вам предстоит сперва ослабнуть, и лишь потом, когда хворь отступит, заново набраться сил. Из полнокровного и сильного тела хворь нипочем не уйдет. Она тянется к жизненным силам, будто мухи к патоке. Когда вы ослабеете – вот тогда появится возможность изгнать ее. Но учтите, что необходимы также снадобья и красное вино. Это весьма важное дополнение, и горе вам, если проигнорируете его, юная леди.

Графиня удовлетворенно кивает. Судья, почему-то взявший на себя роль палача, извлекает из саквояжа кожаный сверток, раскрывает, вынимает нож с треугольным лезвием. Служанка приносит таз и кувшин воды, судья-палач закатывает рукава и деловито оmyвает ладони.

– Приступим же к первому кровопусканию. Будем повторять их один раз в два дня, и так до тех пор, пока хворь не достигнет своего дна. Дайте-ка вашу ручку, юная леди.

Подсудимая откидывается на подушку, верная своему решению: терпеть без малейшего стопа. Ей по-прежнему стыдно за пережитый страх. Палач взмахом лезвия вскрывает ей запястье.

– Вот, взгляните, ваша милость, – обращается он к знатной зрительнице, пока кровь девушки струится в таз. – Из-

волите видеть, ваша дочь побелела лицом. Это верный знак, что мы на правильном пути: дурная кровь, что имеется в ее теле, отхлынула от кожи.

Графиня кивает, довольная объяснением.

– Простите, сударь, – осторожно спрашивает осужденная, – вы говорите, хворь обитает в печени. Не странно ли, что сперва у меня заболела голова, а лишь потом – печенка?

Старик склоняет голову и хмурится, не веря слуху. Пи-галица рискнула оспорить приговор?!

– Неужели вы ставите под сомнение мои знания, юная леди? Я имею честь носить звание лекаря уже двадцать девять лет! Мне довелось лечить епископа города Маренго, благородного графа Блэкмора с его женою, и маркиза Эверглейд, и маркизу Фламерс, и...

– Сударь, простите, если обидела. Я лишь пытаюсь понять, как такое случилось, что хворь живет в печени, но заставляет страдать голову?

– Юная леди, – поджав губы, цедит судья, – печеночная хворь приводит к избытку желчи, а та, в свою очередь, нарушает все внутренние потоки и балансы, так что боль может возникнуть в любой части тела. Вот, полюбуйтесь-ка.

Он извлекает из саквояжа крохотное зеркальце и подносит к лицу девушки.

– Видите, юная леди, каков цвет кожи?

Подумать только! Прежде она не замечала этой вопиющей улики: под глазами вырисовались грязно-желтые треуголь-

ники.

– Цвет желчи. Вот вам сигнал, что источник напасти следует искать в печени. Если уж не верите мне, то поверьте собственным глазам, юная леди!

Этот цвет грязной выгоревшей бумаги напоминает подсудимой картину столь жуткую, что она вздрагивает. Полумертвая восковая старуха на грязном тюфяке. Осознание накрывает девушку ледяным дождем.

– Сударь, не скажете ли, как хворь могла попасть в тело? Передалась от другого больного, верно?

– Юная леди, относительно передачи моровых болезней, таких как сизый мор, гирма или язвенница, нет единого понимания. Но в случае печеночной хвори дело совершенно ясное: носителем хвори являются миазмы – болезнетворный смрад, выдыхаемый одним человеком и вдыхаемый другим.

«Холодная тьма! Старуха – ее смрад был ужасен! Зловоние мертвеца! Неужели и я... – Подсудимая боится даже додумать мысль до конца. – Неужели и я... стану такой?!»

– Сударь, скажите... от печеночной хвори человек начинает... пахнуть?

– Когда хворь достигнет своего полного развития. Сейчас, юная леди, вы не источаете запаха, а значит, находиться подле вас вполне безопасно. Но когда дыхание сделается смрадным, я назначу вам носить маску, пропитанную луковой эссенцией. Без этого вы создадите опасность для леди-матери и всех домочадцев.

Он оканчивает экзекуцию и принимается бинтовать рану.
– Вот и все, юная леди. А вы боялись.

Девушка не боялась... по крайней мере, не кровопускания. Но она не спорит, все мысли заняты видением из богдельни. И своею собственной преступной глупостью. Лишь теперь она понимает, в чем провинилась, почему предстала перед судом! Грядущие пытки, унижительная слабость, отвратительные изменения в теле, что начнет желтеть и смердеть... Все – расплата за глупость. Зачем она пошла в госпиталь? Зачем сама?!

А ведь ее предупреждали: и графиня, и заботливый Итан... О, боги! Итан! Ведь и он мог заразиться!

– Не забывайте, ваша милость, – приговаривает старичок в пенсне, собирая инструменты, – утром и вечером юной леди следует принимать по чаше красного вина для очищения крови. Также требуются травяные снадобья – я пришлю их всенепременно. Полынь умиряет печень и снижает количество желчи, а зверобой и ромашка противодействуют дурным миазмам. При каждой еде, непосредственно после питания.

Он обменивается еще парой фраз с графиней, получает оплату и уходит, бодро пришаркивая подошвами.

– Как твое самочувствие, дитя? – ласково спросила графиня, выслав служанку проводить лекаря.

– Я так глупа... – прошептала Мира. На глаза просились слезы.

– Отчего же? Ты не виновата, что захворала! Ведь слышала, что сказал лекарь: кто-то дыхнул на тебя – и дело сделано. Наверное, на этом представлении чудо-машины был хворый. Подлец! Необходимо ввести закон и жестоко наказывать любого, кто разносит свои миазмы!

Леди Сибил сказала еще много утешительных слов. На душе у Миры потеплело достаточно, чтобы отвлечься от мыслей о своей ничтожности.

– Миледи, вы так добры! Прошу, не сидите со мною. Не прощу себе, если вы тоже заразитесь.

– Не говори глупостей! Лекарь же сказал: сейчас это безопасно. Вот когда будет запах...

Миру передернуло от омерзения.

– Какая гадость!..

– Ну-ну! Мой муж-граф, знаешь ли, тоже не благоухает. Но ничего в этом мерзкого нет, такова уж природа естества. Девушка даже усмехнулась.

– Если уж о том пошло, сам лекарь тоже не лишен... миазмов.

– Он стар, но хорош, – заверила графиня. – Один из лучших лекарей Фаунтерры. Уж не думаешь ли ты, что я привела бы к тебе шарлатана?

– Благодарю вас, миледи. Так много делаете для меня. А я приношу вам одни хлопоты.

– Пустое, – отмахнулась леди Сибил широким жестом, – все пустое! Не думай ни о чем, не забивай голову – и попра-

вишься скорее. Мне следует идти, есть дела в городе. Элис принесет тебе вина, а потом ложись и спи – это самое лучшее.

– Конечно, миледи.

Графиня ушла, а служанка явилась с чашей вина. После кровопускания наступила слабость, Миру клонило в сон. Однако она ясно понимала: лечь спать – худшее, что можно сделать. После новых процедур она станет еще слабее. Если действовать, то прямо сейчас – позже попросту не хватит сил. А сделать кое-что нужно: довести до конца дело, за которое она заплатила так дорого.

– Элис, принесите перо и бумагу. И пришлите ко мне Вандена через четверть часа.

Получив в руки перо, Мира быстро вывела записку.

«Милый Итан, я должна предупредить. В ближайшее время Вам следует обратиться к лекарю. Жуткая старуха в госпитале Терезы, как мне довелось выяснить, страдала печеночной хворью. Хворь могла передаться и Вам, потому прошу: немедленно примите меры. Простите за то, что не послушала Вас. Я была безнадежно глупа. Простите».

Затем принялась одеваться. Это оказалось нелегким делом: движения были замедленны, в глазах туманилось. Одеждой для этого случая Мира запаслась заблаговременно. Памятуя о том, чем обернулось появление дворянки в гос-

питале Терезы, приобрела коричневое платье, какие носят небогатые мещанки, деревянные башмаки, чепец и грубые чулки. Стоило видеть лицо лавочника, когда Мира примеряла все это, отложив в сторону свои шелка...

В дверь постучали.

– Миледи, вы меня звали?.. – спросил Ванден и с удивлением воззрился на ее наряд.

– Я прошу вашей помощи, сир. Мне следует побывать за городом, в местечке Бледный Луг – семь миль пути. Будьте добры, сопроводите меня.

– Миледи... – Ванден растерялся. – Говорят, вам нездоровится... похоже, так оно и есть. Стоит ли пускаться в дорогу?

– Стоит или нет – мое дело, не так ли? – отрезала Мира. – Можете помочь мне, сир, или отказать. Но я поеду в любом случае.

– Миледи, ваша матушка будет недовольна.

– Еще меньше радости ей доставит, если вы отпустите меня одну.

Ванден кивнул:

– Слушаюсь, миледи. Я велю подготовить экипаж.

Бледный Луг был почтовой станцией, разросшейся до размеров городишки. Сорок лет назад здесь была лишь конюшня, таверна и точка имперской курьерской службы. Некий предприимчивый купец сообразил, что можно подзаработать, построив рядом гостиницу. Жилье в столице дорого, а

сама Фаунтерра, переполненная шумом и движением, многим внушает робость и тревогу. Для крестьян и приезжих мещан оказалось удобно и выгодно – остановиться в тихом уютном местечке осторонь столицы, днем навещать в Фаунтерру по делам, а на ночлег возвращаться в Бледный Луг. Благо семь миль – не такое большое расстояние.

Примеру первого купчины последовал второй, а там и третий. К курьерской станции приросла пара улочек, заполненных гостиницами и кабаками. Затем выстроили церковь, она-то и закрепила за Бледным Лугом статус городка. Сейчас здесь жило около пятисот человек: они служили в гостиницах, занимались извозом, а также держали огороды, что пятнистым одеялом устилали земли вокруг городишки.

Все это Мира узнала от кучера – он был уроженцем Фаунтерры, а не северянином, как Ванден. Кучер и обнадежил ее:

– Найти леди в Бледном Лугу? Ничего нет проще! Леди и лорды не живут в Бледном Лугу, так что ваша дамочка будет приметна. Любого спросите – он вам скажет. К тому же, если она поселилась двадцать лет назад, то домов тогда было совсем немного. Узнайте, какие дома стоят с тех пор, – в одном из них ищите. Или дайте монетку – я сам порасспрошу.

И вот они стояли на центральной (и единственной) площади Бледного Луга под пекущим июльским солнцем. По одну сторону – та самая почтовая станция, по другую – церковь, прямо в середине площади – коновязь и поилка.

– Так я разужнаю насчет дома, миледи? Я это мигом.

– Да, прошу вас. – Мира протянула кучеру агатку, он шустро привязал коней и исчез.

Горстка горожан остановились рядом, с интересом поглядывая на экипаж: крупный, золоченый, разукрашенный медведями Нортвуда. А Мира еще пыталась одеться по-мещански! Пока они сидят в этой драгоценной телеге, ее маскировка немногого стоит.

– Начнем со станции, сир Ванден, – сказала девушка. – Наверняка там знают всех жителей городка.

В помещении почтовой точки находились смотритель и мальчишка-слуга. Вандена, с его северными чертами лица, опоясанного мечом и одетого в дублет, смотритель принял за курьера.

– Скажи свой номер и маршрут, служивый. Сдавай груз, иди поешь, а мелкий займется лошадьми.

– Я не курьер, – пожал плечами Ванден.

– Но мы здесь по почтовому делу, – быстро солгала Мира. С каждым днем в столице она все лучше овладевала этим навыком. – Везем послание для леди Лейлы Тальмир. Она живет здесь, в Бледном Лугу. Не укажете ли ее дом?

– Леди Тальмир?.. – Смотритель помял подбородок. – Ума не приложу, кто это.

– Как же! Она давно у вас – уже лет двадцать! Возрастом около сорока. Имя могла сменить.

– Что же это за леди, которая меняет имя? Чтобы вы знали, девушка, благородные никогда так не поступают. Имя –

это их гордость.

Мира порадовалась, что зритель принял ее за простолюдинку, а значит, бурое платье и уродливый чепец делали свое дело.

– Но все же, сударь, если положить, что леди Лейла все-таки сменила имя...

– То я все равно не знаю, о ком вы говорите. Нету здесь никаких леди, ясно? Тут селятся те, кому Фаунтерра не по карману, да еще купцы-домовладельцы.

Они вышли на улицу, и Ванден предложил:

– Идемте в церковь, миледи. Священник знает свою паству.

В храме застали только служку, который мыл полы.

– Святой отец у себя, не велено тревожить, – сказал паренек и с ненавистью поглядел на свое ведро. Гости были хорошим поводом отвлечься от унылого занятия. – А что вам от него?..

– Мы ищем одну даму, имеем к ней срочное дело.

– Святой отец не женат. Он, знаете ли, совсем дамочками не интересуется, только теми, что на иконах.

– Мы не жену его ищем, а прихожанку. Очень важное дело, прошу тебя!

– Ладно уж, идемте со мной, – паренек радостно отбросил тряпку, вытер ладони о штаны и подался вглубь церкви.

Через задние двери они вышли к домику священника, с тыльной стороны примыкавшему к храму. Служка потараба-

нил в двери и покричал:

– Отче, тут люди явились! Какие-то странные, вроде с Севера...

Ванден примерился дать ему тумака, Мира вовремя удержала. Распахнулось окошко, священник высунул голову, щурясь от яркого солнца. Вопреки ожиданиям, он был молод.

– Служба будет позже, при вечерней песне. А если хотите помолиться, то храм открыт.

– Отче, простите, – кротко сказала Мира, – мы не хотели вас тревожить, однако дело у нас срочное. Мы ищем даму по имени леди Лейла Тальмир. Прошу вас, отче, помогите нам.

От жары и слабости Мира едва держалась на ногах. Она позволила своему голосу дрогнуть, и это возымело действие. Молодой священник воскликнул:

– Вижу, вы устали с дороги, сударыня. Не хотите ли чаю?

– Я не смею утруждать вас. Укажите нам дом леди Лейлы – о большей помощи и не мечтаю.

Священник нахмурился:

– Сударыня, мне так жаль... Среди моих прихожан нет леди Лейлы. Но все-таки будьте моими гостями, зайдите на чашку чаю. Вам же нужен отдых, я вижу...

Дорога под палящим солнцем действительно нелегко далась Мире. Однако именно поэтому девушка не желала задерживаться: неизвестно, как долго еще она продержится на ногах и сохранит ясность мысли.

– Благодарю вас, отче. Вы очень добры, но я не могу. А

может ли так быть, что вы видели леди Лейлу, но не знаете ее имени? Дама около сорока лет, благородного сословия...

– Милая барышня, если сюда и заезжают благородные, то не жалуют мою церквушку. – В голосе священника слышалась обида. – Дворяне предпочитают храмы Праматерей, а наша церковь носит имя Праотца Кристена. Высокородные леди не жалуют ее своим вниманием.

Да, верно... Праматеринская Церковь несет святое слово со всеми тонкостями и нюансами, за что ее и любят дворяне. Праотцовская упрощает и смыслы, и ритуалы – грубовато, но доступно для мужицких умов. Мира сама бы вспомнила об этом, если б не жара.

– Что ж, мы все-таки продолжим поиски. Прощайте, отче.

– Пойдите, барышня, а как же чай?..

Проходя сквозь церковь, Мира бросила три агатки в чаши подаяния и задержалась у алтаря – перевести дух в тени.

А на площади их уже ожидал кучер.

– Миледи, я выведал кое-что. Извозчики знают всех, кто может заплатить за проезд. Про леди Лейлу не слыхали – видать, съехала уже. Но я узнал, что девятнадцать лет назад – точно после заговора – здесь поселилась одна купчиха. Приобрела дом вон там – в середине второй улицы. Зовется Дом с Плющом, а сама она – Грета Элоиза. Спросите ее, должна знать. Коли они с леди Лейлой в один год приехали, то непременно свели дружбу.

Дом с Плющом получил название благодаря буйным зарослям, оплетавшим арку над входом во двор. Среди плюща болталась деревянная вывеска: «Гостиный двор». Любопытно. Хозяева других гостиниц не уповали на грамотность постояльцев и вместо надписей вешали изображения кроватей и подушек. Здешние, выходит, решили выделиться.

Под аркой сидел на земле чумазый полуголый мальчонка. Лениво попросил монетку, Ванден переступил через него. Дорожка привела ко входу. Слева уютился огородик, справа под навесом стояли столы. Их было с полдюжины, но лишь за одним сидели люди: плюгавый мужичок и двое парней покрупнее.

– Миледи, позвольте выпить пива, – попросил Ванден. – Больно жарко.

Мира кивнула, они свернули под навес. Плюгавый проводил девушку сальным взглядом, а когда она поравнялась с ним, ущипнул за зад.

– Как вы смеете!

– Сядь со мной, круглая попка.

Ванден схватил его за волосы и впечатал рожей в стол. Двое остальных рванулись было, воин покачал головой и опустил руку на эфес. Парни утихли.

Мира с Ванденом сели подальше от них.

– Эй, барышня, мне бы пива.

Там, где навес примыкал к зданию, в стене имелось окно. Оно было раскрыто и выполняло роль стойки. По ту сторо-

ну окна стояла, упершись в подоконник, темноволосая женщина, а по эту – молодая девчонка в переднике и чепчике, здешняя служанка. Они вели меж собою перепалку громким шепотом. Слов было не разобрать, но голоса сочились ядом. Подводя итог спору, женщина махнула рукой в сторону Миры и рявкнула громче прежнего:

– Что застыла? Гости! Иди, работай!

Служанка фыркнула и с большой неохотой подошла к ним.

– Чего вам?

– Не больно ты любезна, – буркнул Ванден.

– Любезничать не нанималась. Так чего хотите?

– Пива принеси.

– Две кружки?

– Одну.

– Всего-то? Да уж.

Она ушла к стойке.

– Скверно идут дела у этой Греты Элоизы, – сказал воин.

– Почему так считаете?

– Служанка распоясалась – видать, давно ей не платили.

Да и дом маловат для гостиницы.

Дом имел всего два этажа и был аккуратен, но скромн. Сколько комнат в таком поместится? Четыре? От силы шесть. Кабак вынесли на улицу, чтобы выгадать место внутри дома. А вон там, справа, уродливая дощатая пристройка – видимо, прибавили еще одну комнату. И огородик у парад-

ного входа. Каждая монетка на счету...

– Здание не строилось под гостиницу, – догадалась Мира. – Это был ее собственный дом. Когда дела пошли плохо, стала сдавать комнаты.

Служанка принесла пиво.

– Полторы звездочки с вас.

– Сразу?

– Нет, в День Изобилия.

– Нахальная ты. Сказать бы хозяйке, чтобы прочила.

– Ой, умоляю! Вон она, хозяйка. Идите, жалуйтесь.

Мира сунула ей три звездочки.

– Твою хозяйку зовут Грета Элоиза?

– Ее и спросите.

Служанка отошла, уселась за стол к мужикам. Спустя минуту деланно и грубо захохотала. Мира присмотрелась к хозяйке. Худая женщина, волосы завязаны узлом на затылке, руки костлявы и морщинисты. Ворот блузы расстегнут, открывая шею: дряблая бледная кожа. Старость уже поймала эту даму в свои объятия – неестественно рано, ей вряд ли больше сорока. Впрочем, глаза женщины – огромные и карие – были дивно красивы. Такие же и у служанки...

– Сир Ванден, дела у них еще хуже, чем думаете. Служанка – дочь хозяйки.

Рыцарь хмыкнул. Мира собралась с духом и направилась к стойке. Хозяйка встретила ее хмурым взглядом исподлобья.

– Доброго вам здравия, сударыня.

– И тебе...

– Позвольте спросить. Знакома ли вам леди Лейла Тальмир?

– Не слыхала.

Она лгала: Мира успела поймать миг, когда зрачки женщины расширились.

– Сир Джон Корвис, сир Клайв Стагфорт. Эти имена вам также ни о чем не говорят, сударыня?

– Ни о чем.

В этот раз ничто не отразилось на лице.

– Сударыня, прошу вас, помогите мне. Я должна поговорить с Лейлой Тальмир.

– Нечем тебе помочь. Я ее не знаю. Ступай.

– Будьте добры, выслушайте. Сир Стагфорт был моим отцом. Он погиб в марте – убит. Я ищу тех, кто это сделал. Думаю, у отца и капитана Корвиса были общие враги.

– Твои заботы, сиротка. Меня это не касается. Не знаю этих людей.

Слишком жестко она резала и слишком быстро. Бледный Луг – крохотный городишко, люди в таких местах обычно разговорчивы. Мира навидалась гостиничных хозяев за месяц дороги из Нортвуда. Эта женщина была необычна, странно спешила избавиться от расспросов. Имелась причина...

– Миледи, помогите мне, – сказала Мира. – Мой отец – не единственная жертва, идет черед убийств. Вы можете спасти невинных людей, и даже самого...

– Оглохла, что ли? Я сказала: ничего не знаю. Убирайся!

Мира глубоким вдохом уняла раздражение. Боль в висках проснулась и принялась точить когти.

– Миледи, я не хочу ничего плохого и ничем вам не угрожаю...

– Еще чего не хватало! Думаешь, твой молодчик с зубочисткой меня напугает? Я крикну – полный двор слуг сбегится.

Вранье. В лучшем случае, кроме дочери хозяйки здесь был еще один слуга.

– Простите, миледи, если выразилась грубо. Выслушайте. Капитан Корвис погиб по вине герцога Альмеры. Герцог убил его. Неужели вы не хотите расквитаться?

Гримаса исказила лицо хозяйки, карие глаза налились злостью.

– Ну-ка теперь ты послушай, что скажу. Убирайся отсюда немедленно, не то горько пожалеешь! Прекрати заливать мне уши этой мерзостью! Я не знаю ни про какие убийства и знать не желаю! Ты хорошо поняла?

Мира сжала пальцами виски. Медленно проговорила:

– Леди Лейла. Мужчина, которого вы любили, погиб на пыточном столе. Ему ломали кости и сдирали кожу, жгли каленым железом. Он умер в мучениях, которые сложно вообразить. Вы живете в жалком городишке, в нищете, боясь даже назваться собственным именем. Ваша дочь прислуживает всякому отребью. А виновник всего, герцог Айден Альмера,

купается в славе и роскоши, выдает дочку замуж за императора!

– Убирайся прочь, – выдавила хозяйка, краснея от ярости. И с треском захлопнула ставни перед носом Миры.

Девушка помедлила, ошарашенная этой вспышкой. Сделала шаг назад, другой... согнулась от внезапной боли в печени, ахнула. Тошнота подступила к горлу, Мира сплюнула желчь, наполнившую рот. Ванден заметил и рванулся на помощь.

– Нет, сидите, у меня все... ох... хорошо. Я еще... не закончила.

Мира подняла глаза. Ставни на окне закрылись неплотно и оставили узкую щель. Хозяйка гостиницы выглядывала в нее. Мира заставила себя выпрямиться, вынула медяк, прицелилась и швырнула в щель. Изобразила на лице милейшую улыбку:

– Возьмите за вашу неоценимую помощь, добрая госпожа. Она сделала два шага, когда ставни распахнулись, и хозяйка прошипела:

– Иди-ка сюда, мелкая дрянь. Зачем ты явилась? Потешаться надо мною? Каково – хороша ли забава? Ты, с твоими янмэйскими щечками, лукавыми глазенками, блестящими ноготками – думаешь, не вижу, кто ты такая?! Дочь сира Стагфорта? Врешь! Сир Стагфорт был эмилиевцем, а ты – из высшей знати! На твоём лбу это написано! Думаешь, можешь явиться сюда и втоптать меня в грязь, посмеяться над

бедою, поковыряться в старых ранах?! Думаешь, весело – напоминать, как умер мой жених? А ты потеряла хоть кого-то? Переживала когда-нибудь смерть близкого человека?! Нет, не убегай, ответь!

Мира приблизилась, заговорила тихо и ровно, стараясь не замечать боли:

– Меня зовут Минерва Джемма Алессандра рода Янмэй, леди Стагфорт. Мой отец, сир Клайв Стагфорт рода Эмилии, сделал предложение Джемме Алессандре Гортензии, троюродной сестре владыки по материнской линии. Они заключили помолвку за месяц до Шутовского заговора, а после суда вынужденно бежали на Север. Там мать умерла от чахотки. Я немного помню об этом, тогда мне исполнилось всего три года. Зато хорошо помню, как погиб отец: получил арбалетный болт в висок, острие вышло сквозь левый глаз. Он упал в пяти шагах от меня. Я удовлетворила ваше любопытство, леди Лейла?

Хозяйка гостиницы покачала головой.

– Твой отец говорил, что помолвлен, но не сказал, с кем. Он предлагал мне ехать на Север, в Предлесье. Говорил, там буду в большей безопасности. Что я забыла на Севере? Родилась в Фаунтерре, моя душа здесь...

– Понимаю вас, миледи.

– Ты думаешь, этот подонок Альмера убил сира Клайва?

– Не уверена, миледи, – призналась Мира.

– Тогда зачем тебе старые кости? Какое твое дело до того,

что было между Джоном и Айденом?

– Если я узнаю, что сделал Айден тогда, двадцать лет назад, то смогу понять, виновен ли он сейчас. Если он способен на убийство...

– Любой лорд способен на убийство. И ты будешь. Такая порода.

Девушка раскрыла рот, леди Лейла вскинула руку.

– Не перебивай. Джон знал какую-то тайну герцога. Он виделся с Айденом за месяц до смерти и стал сам не свой. Узнал о герцоге нечто, а может быть, они вместе узнали. С тех пор Джон не знал покоя. Это была тайна из тех, за которые убивают без колебаний. Джон молчал со мною, но я чувствовала. Сложно было не ощутить... Я допытывалась. «Герцог скрывает ради дочери», – вот все, что сказал Джон. Скрывает ради дочери. Затем Айден вызвал к себе, и Джон заподозрил, что его ждет. В последний день мы...

Леди Лейла сбилась, на миг застыла, прикрыв глаза. Решительно мотнула головой:

– Тебе это не нужно.

– Миледи, вы можете...

– Того и боюсь, что могу. Тебе эти сопли ни к чему. Айден убил Джона, поскольку тот знал тайну. Это все, что есть для тебя. Прочее – только мое.

– В чем состояла тайна?

– Джон не сказал. Если б сказал, Айден нашел бы меня.

– Джон узнал тайну месяцем раньше?

- Верно.
- Откуда?
- Не знаю.
- Герцог скрывает ради дочери? Это точная фраза?
- Да, слово в слово.
- Не знаю, как вас благодарить, миледи.
- Никак. Ступай и дай мне снова забыть.
- Я могу вам помочь?
- Не смей даже заикнуться о деньгах!
- Конечно, миледи.
- Ступай.

Мира пошла к столу, где ждал ее встревоженный воин.

Леди Тальмир сказала вслед:

- Если Айден Альмера падет... просила бы тебя написать мне, но я и так узнаю. У нас почтовый городок, новости приходят быстро.
- Я напишу, миледи.

Едва они прошли арку с плющом, Мира вцепилась в руку Вандена.

- Поддержите меня, боюсь упасть.
- О, боги! Что с вами, миледи?
- Ничего страшного, пройдет... Только помогите забраться в экипаж.

Она скорчилась на заднем сиденье, пытаясь изогнуться, чтобы раскаленные иглы не так глубоко впивались в печень.

Солнце сжигало платье и кожу, но, несмотря на это, Миру бил озноб. Ванден, бледный от волнения, все повторял:

– Что с вами? Свернем с дороги, миледи. Найдем лекаря. Что с вами, миледи?

– Просто не обращайтесь внимания, – отвечала Мира. – Это скоро пройдет... Правда, пройдет.

Болезнь набирала сил. Прежде приступы боли занимали минуты, этот же продлился больше часа. Хворь скрутила ее и выжала, как прачка – стираное белье. Мира ничего не знала о пытках, но если они чем-то похожи на болезнь печени, то неудивительно, что Корвис выдал тайну заговора...

Позже она услышала, будто сквозь туман, слова кучера:
– Облака слетаются. Под вечер будет ливень!

Поглядела: солнца не было, небо затянулось серым сукном. В эту минуту боль отхлынула, и Мира смогла сесть. Экипаж въезжал в столицу.

– Видите, уже все хорошо, – сказала Мира Вандену.

– Потерпите, миледи. До дому осталось совсем немного.

И тут они встали, упершись в скопление телег и карет.

– Что не едем? – крикнул кучер.

Кто-то ответил:

– Площадь Слияния закрыли. Искровики входят в город.

Мира насторожилась:

– Армия входит в столицу? Это еще зачем?

– То есть как – зачем? – удивился кучер. – Перед летними играми будет парад!

Девушка привстала, выглядывая поверх карет. Рассмотрела только цепочку всадников в алых камзолах, преграждавшую путь.

– Ванден, идемте посмотрим! Мне любопытно.

– Вы едва держитесь на ногах, миледи.

– Вот потому вы мне поможете. Ну же!

Воин покорно подставил руку, и они двинулись к площади, огибая телеги. Простое платье Миры имело свои недостатки: никто не спешил уступать дорогу скромной мещанке. Ванден пошел вперед, пробивая путь, Мира цеплялась за его руку и не отставала. И вот они уткнулись в грудь лошади алого гвардейца, а всадник рявкнул с высоты:

– Далее нет прохода. Остановитесь.

Они стали, глядя в просвет оцепления. На дальнем краю площади располагалась дюжина всадников в блестящих нарядах, на превосходных конях. Они ждали, обратив лица к широкой Закатной улице, выходящей на площадь.

– Полководцы встречают войско, – сказал кто-то в толпе. – Там генерал Алексис Серебряный Лис.

Миры пригляделась получше и рассмотрела: вот он – на белом коне впереди группы, в парадных доспехах и сверкающем шлеме с поднятым забралом. Полная броня: несмотря на жаркий день, Алексис не сделал себе послабления. Борозды хвори на его лице не были заметны с расстояния, зато могучее телосложение притягивало взгляд. В доспехах Серебряный Лис выглядел красавцем. Знаменосец держал флаг ге-

нерала: имперские перо и меч, а ниже – две лисицы острова Смайл. Всадник по правую руку от Алексиса также показался Мире знакомым: весьма грузный мужчина, как только выдерживает его жеребец! На этом человеке не было ни фунта железа, только геральдический камзол со снопами пшеницы и какими-то еще фигурками. Его также сопровождал знаменосец.

– Идут. Идут! – слышалось в толпе.

Лишь тогда Мира поняла, что ритмичный гул, доносившийся с запада, – это грохот шагов. С Закатной на площадь выехали шестеро всадников: трое офицеров в парадных доспехах, следом трое знаменосцев.

– Полковник и батальонные командиры, – сказал тот же всезнайка из толпы.

А следом за командирами на площадь вступили пехотинцы. Они шагали рядами по восемь человек, закованные в доспехи, и первой мыслью у Миры мелькнуло: бедняги... Но вторая мысль тут же затмила ее. Боги, какая мощь!

Девушке доводилось видеть отряды Нортвудов – то были просто группы крепких вооруженных парней. Но эти, что затапливали могучим потоком площадь Согласия, – совсем иное дело. Единая тысячеглавая стальная машина! Нога в ногу, плечо к плечу, щит к щиту. Мира не представляла, что множество людей способно действовать так слаженно. Они печатали шаг, и звенели оконные стекла, вздрагивала земля. Раздвоенные наконечники копий тянулись к небу, словно

колосья на изобильном поле. Вот командиры остановились, знаменосцы взмахнули флагами, и войско замерло, ударив древками в брусчатку. Звук громыхнул раскатом грома, и тут же упала тишина.

Командиры приблизились к всадникам, ожидавшим на площади. Те сделали несколько шагов навстречу. Генерал Алексис отсалютовал обнаженным клинком, тут же и мечи командиров вылетели из ножен, взметнулись в салюте.

– Долгих лет его величеству Адриану! – в один голос выкрикнули офицеры.

– Да славятся перо и меч! – зычно ответил генерал.

– Полк Теодора Великого, в составе батальонов Бесстрашный и Неудержимый, прибыл под ваше распоряжение.

– Алексис Франсин Лотта, барон Смайл, генерал имперской армии, по приказу его величества принимаю командование.

– Рады служить императору!

Четкость реплик тоже впечатлила Миру. Офицеры как будто обменивались заранее условленными и выученными кодовыми словами. Лишь посвященный в таинство военной науки знает этот язык, а самозванец с первого же слова будет опознан и изгнан.

Предгрозовой порыв ветра колыхнул знамена, и Мира смогла разглядеть герб толстого всадника. Снопы пшеницы и дельфины – герцогство Южный Путь.

– Морис Лабелин?.. – удивленно выдохнула девушка. –

Что он здесь делает?..

Вдруг чей-то вкрадчивый голос прозвучал у самого ее уха:

– Леди Глория, вас это тоже забавляет, верно? Герцог Лабелин, сватающий за императора свою вассалку, бок о бок с первым полководцем Империи. Любопытная картинка!

Мира обернулась, вздрогнув от неожиданности.

– О, не пугайтесь, это всего лишь я, – проворковал Ворон Короны. – Во мне нет ничегошеньки интересного... в отличие от них. Лорд Великого Дома имеет право следовать за имперским генералом на параде, такова привилегия. Но лишь в том случае, если генерал позволил ему. С каких пор Лабелин сделался другом славного Серебряного Лиса? Уверен, этот вопрос занимает не меня одного.

– Вы следили за мною?

– Следил? О, нет! – Марк грубовато хохотнул. – На это есть собачонки. Я здесь не ради слезки и не из-за вас.

– Приятно слышать.

– Но когда увидел вас в наряде мещаночки, не смог устоять и подобрался ближе. Исключительно ради того, чтобы полюбоваться.

На дальнем краю площади генерал Алексис вложил меч в ножны. Офицеры последовали его примеру.

– Колонной по восемь, парадным шагом – за мной! – приказал Серебряный Лис, и полковник эхом ответил:

– Слушаюсь, милорд.

Знаменосцы подали сигналы, войско лязгнуло сталью и

пришло в движение, хлынуло через площадь. Шлемы наливались свинцовым отражением туч, багровели плащи.

– Этот полк хорош? – спросила Мира.

– Лучший из всех, – кивнул Ворон. – Если вас интересует, способен ли он захватить и удержать дворец, то отвечу: более чем.

– Тайную стражу обучают читать мысли?

– Вам это неприятно? – Марк подмигнул девушке. – Тогда не думайте так громко.

Ванден потянул Миру за руку:

– Скоро будет ливень, миледи. Вернемся в экипаж.

– И вы откажетесь от беседы со мною? – вмешался Ворон. – У меня тоже есть карета, вполне защищенная от грозы.

Он указал на черный, очень скромный экипаж – коробку на колесах.

Марк низкороден, напомнила себе Мира. Я могу отшить его в любой момент. Но любопытно – что же он хочет сказать?

– Матушка не очень-то любит беседовать с вами. Она говорит: вы имеете склонность выклеивать людям глаза, прежде чем палач отсечет их головы.

Ворон Короны оскалился:

– Только если это очень красивые глаза. Как у вас, миледи.

Его дерзость – конечно, намеренна. Не привыкшие к такому обхождению дворяне злятся, теряя способность рассуж-

дать трезво. А для лжи необходима ясность мысли. Хорош. Мастер той игры, которой Мира старалась научиться, набивая синяки и шишки.

– Подождите меня, сир Ванден. Хочу поговорить с этим человеком. Матери он знаком, так что не тревожьтесь.

– Марк, к вашим услугам, сир Ванден, – поклонился Ворон Короны и увлек Миру за собою.

Распахнул перед нею дверцу, помог взобраться. Вопреки неказистой наружности, внутри карета была просторной и уютной. Мира устроилась на мягком сиденье, Марк сел напротив. В оконце ударили первые капли.

– Вы так любезны со мною, – мурлыкнула Мира. – Стало быть, моя голова уже обещана палачу?

– Не скрою, в свое время я присматривался к вашей шейке. Она тонка и изящна, дивный вышел бы контраст с громадным топором палача! Публика обожает подобные эффекты.

– Как первородная дама, я надеялась на меч, – пожалала Мира плечами, – но раз уж говорите, что топор лучше подойдет, то доверюсь вашему опыту... Почему вы подозревали меня? Зачем бы нам с матушкой докладывать владыке об убийстве, совершенном нами же?

– А откуда мне было знать, что какое-то убийство вообще имело место? Сами посудите. Северная графиня приезжает в столицу с юной дочкой. Девушка – пятый ребенок, ни при каких раскладах не может надеяться на наследство. Род Пра-

матери Сьюзен – это тоже не сказка. Все-таки седьмой род – не второй и не третий... Такую невесту дорого не продашь.

– Вы говорите обо мне, сударь, – с негодованием бросила Мира.

– Ах, вы заметили?.. Так вот. Предусмотрительная графиня привозит с собою не только дочь, но и остренькую такую сказочку: дескать, готовится покушение на императора! Случилось, мол, нападение на одну из наследниц! А незадолго до этого, как выяснила графиня, скончался от сизого мора другой наследник, что придало байке известное правдоподобие. Словом, теперь владыка должен исполниться благодарности и оказать покровительство девице. Ну, например, отдать ей первый танец на балу... Это повышает продажную стоимость невесточки, разве нет?

– Во второй и последний раз я прощаю вам хамство.

– Вы так добры, миледи.

– То, что вы описали, сударь, выглядит всего лишь манипуляцией. За такое первородных не отправляют на плаху.

– Верно, миледи. Но манипуляция не сработала: владыка Адриан отказался сплясать танец, который вы с матушкой заказали. Напротив, он выставил вас на посмешище. И тогда бедному сиру Адамару пришлось погибнуть. Так даже лучше, не правда ли? Теперь, убедившись в вашей правоте, владыка чувствует вину перед вами, делается вашим должником. Дочка становится королевой бала, мать получает место за чайным столом императора... Убийство рыцаря рода

Янмэй – это уже достаточно весомо для топора? Как по-вашему?

– Тем не менее, вы избавили меня от подозрений. Когда и почему?

– Наполовину – из-за ваших дурных шалостей с медвежьей шкурой. Зачем бы вам отправляться на прогулку именно туда, где намечена засада, еще и брать с собой свидетелей? Да к тому же оставлять записку с «медвежьим заговором», который неминуемо бросит на вас тень, даже если свидетели промолчат.

– А вторая половина моего оправдания?

– Бал. Вы вели себя невероятно легкомысленно. Хохот, перепалка с леди Аланис... стоило ли убивать человека ради расположения императора, а затем так по-дурному рисковать достигнутым?

Мира поразила его осведомленности о событиях, в которых Марк не участвовал. Ладно, хохот – об этом, наверняка, судачил весь двор. Но леди Аланис уж точно не стала бы докладывать Марку. Значит, даже среди ее подхалимов у Ворона имеются глаза и уши.

– Выходит, в обоих случаях оправданием служит моя глупость?

– Точней, ее отсутствие. Лишь очень глупая преступница повела бы себя так. А вы отнюдь не глупы. Хотя довольно неуверены в себе.

Внезапно Марк показался ей чем-то вроде зеркала. Гово-

рят, существует такой Священный Предмет, что отражает не внешность человека, а душу.

– И что вы думаете обо мне теперь, убедившись в моей невинности?

– Думаю, миледи, что вы более тщеславны, чем все три императорских невесты вместе взятые.

– Ого!.. – Брови Миры поползли вверх.

– Правда, ваше тщеславие особого свойства – совсем иное, чем у других аристократок. Вам плевать на блеск и успех при дворе. Но вы обожаете быть умнее всех, за это чувство готовы дорого платить. И вы не ставите свои достоинства напоказ, как делают другие. Похоже, вас забавляет, что никто не знает, насколько вы умны. Это такой секрет между вами и Праматерью Сюзен. Смертные слишком глупы, чтобы разгадать его.

Мира долго не находилась с ответом. Расчетливая дерзость Марка показалась девушке лучшим комплиментом из всех, слыханных ею. Было настолько приятно, что даже стыдно показать.

– Наверное, теперь вы рассчитываете на некую мою благодарность?..

– Да, миледи. Пообещайте мне кое-что.

– Что же?

– Леди Глория, – со всей серьезностью произнес Ворон Короны, – обещайте: если сумеете вычислить заговорщика раньше, чем я, то назовете мне его имя.

Мира опешила.

– Это насмешка?

– Отнюдь, миледи. Вы взялись за расследование прежде меня. Вам хватило короткого разговора, чтобы проверить и освободить от подозрений сира Адамара – единственного весомого претендента на престол. На всякий случай вы изучили и исключили также шута Менсона – пусть безнадежного, но все же наследника. Сделали вывод, что мотив убийств – не в претензиях на трон. Тогда вы потратили время, выслушивая всю ересь, с которой приходят к Адриану просители. Вы поняли, как и я, что открытые посещения – наилучшая возможность убить императора для человека, не близкого с ним. Я уже не раз пытался отговорить владыку от этого бессмысленного риска, но – увы. Мне остается только присматривать за людьми, приходящими на посещения. Затем вы беседуете с генералом Алексисом и убеждаетесь, что он поддерживает Грейсендов. А сегодня стоите тут, глядите на генерала с герцогом и думаете – просто не можете не думать: Алексис и Лабелин – на чем построена их дружба? Что дал генералу герцог, и что полководец пообещал взамен?.. Я опережаю вас, миледи, но всего на пару шагов. Может быть, лишь на шаг. Не знаю, как вы надеетесь обставить ваш триумф. Привести рыцарей матушки и схватить заговорщика прямо на месте, как это сделал Айден Альмера? Подождать, пока я схвачу его, и затем, сидя в темном углу судебной залы, тайно наслаждаться своей победой? Пообещайте, что назо-

вете мне имя. А я дам слово, что устрою тот вариант триумфа, который вы выберете.

Огромных усилий стоило Мире не измениться в лице, не выразить радости, смущения, непозволительно острого наслаждения. Циничный Ворон не должен догадаться, какое безумное удовольствие доставили его слова!

– Даю вам слово леди, – ровно произнесла Мира.

– Благодарю. Пожалуй, мне больше не стоит занимать ваше время?..

Наполовину – утверждение, наполовину – вопрос. И вдруг какое-то озорство, азартная смелость проснулись в ней. Подобное чувство владело Мирой на памятном празднике цветов, когда она устраивала проверку сиру Адамару. Гроза со всей мощью лупила в стекло. Боль едва слышалась, голова была дивно ясна.

– Сыграйте со мною, сударь.

– Звучит любопытно. Во что же?

– Помогите мне, а я помогу вам. Я скажу то, чего вы не знаете. Вы же, в свою очередь, – то, чего не знаю я.

Марк широко улыбнулся. Сложил руки на животе, откинулся на спинку. Его поза говорила: ну же, попробуй, удиви меня!

– Начинайте, миледи.

– Леди Сибил не лгала о нападении на Минерву – оно действительно произошло. Могу рассказать в подробностях.

– Промах, миледи. Я знаю это. Мои люди побывали в

Стагфорте и допросили оставшихся в живых воина и служанку. Еще попытка?

– Архиепископ Галлард Альмера не одобряет политику императора: реформы, а в особенности – исследования Священных Предметов.

– Вы меня унижаете, миледи! О своем отношении к реформам приарх заявляет с кафедры собора Праотцов каждое воскресенье! Это знает любая собака.

– Кроме того, он ненавидит своего брата – герцога Айдена.

– Всего лишь логический вывод из предыдущего. Владыка Адриан – еретик. Айден его поддерживает. А плюс В дают в сумме С: Айден – тоже еретик.

– Дело не только в этом. Архиепископ ненавидит брата не из-за реформ и исследований. Похоже, Галларда злит, что владыка возьмет в жены дочку Айдена.

– Откуда знаете?

– От него самого, – пожала плечами Мира.

– Занятная находка, – признал Ворон Короны. – Но ничего не дает в контексте нашей с вами главной цели. Священник готовит цареубийство для того, чтобы его племянница не стала императрицей? Чушь. Даже если злость приарха на брата простирается аж так далеко, то проще, дешевле и безопасней было бы убить саму Аланис. Нет, миледи, я не приму эту карту. У вас все?

Ах, вот как! Ну, а понравится ли тебе такое?..

– Отнюдь не все, сударь. Вы знаете, кто такой капитан Корвис?

– Еще бы. Алый гвардеец, вассал герцога Альмера, участник Шутовского заговора. Попытался удержать сюзерена подалее от столицы в дни переворота. Герцог заподозрил его в измене и калеными клещами выдрал сведения. В результате заговор был раскрыт.

– Так пишет герцог Айден в своей книге, – с немалым удовольствием проворковала Мира, – но это ложь. Корвис знал некую тайну, опасную для герцога. Герцог вызвал его в Алеридан, допросил и умертвил. Корвис не случайно погиб под пыткой, Айден Альмера велел своим людям замучить его насмерть. Герцог не отдал капитана имперскому суду, чтобы тот не выдал тайны.

Ворону почти удалось скрыть удивление.

– Откуда знаете?

– Знаю, – улыбнулась Мира.

– А как это связано с нынешними убийствами?

Улыбка на лице северянки сделалась шире.

– О, так это очевидно лишь для меня одной? Представьте себе, что тайна герцога бросает тень на его дочь, леди Аланис. Тогда человек, знающий тайну, может уничтожить Аланис, лишить ее малейшей надежды на брак с императором. Этот человек способен изменить всю расстановку сил: убрать фаворитку соревнований и возвести на трон Валери Грейсенд.

Марк задумчиво нахмурился.

– Вы полагаете, что дому Грейсенд или их сюзерену, герцогу Лабелину, известна тайна Аланис Альмера? И, таким образом, именно Лабелины с Грейсендами становятся главными подозреваемыми? Убрав с поля Аланис, Валери останется единственной претенденткой в императрицы, а в будущем – и единственной наследницей. Вы к этому ведете?

– Скажу по правде, сударь: я не имею доказательств, что Лабелину известна тайна. Я даже не знаю, в чем именно тайна состоит. Но она, несомненно, опасна для Дома Альмера: ради сохранения секрета герцог Айден убил своего вассала. И если теперь кто-то получил в руки такое оружие против семьи Альмера, то это достаточно весомая фишка, чтобы выстроить большую игру.

Ворон Короны медленно кивнул.

– Согласен, миледи, это важное рассуждение. Если у Айдена имеется тайна, я сделаю все, чтобы выкопать ее. Есть ли связь с убийствами или нет, в любом случае владыка захочет узнать тайну семейства, с которым думает породниться.

– В таком случае, сударь, теперь ваш ход.

Ворон Короны ухмыльнулся.

– Мотив убийств – не претензия на трон.

– Я давно это поняла. Вы сами знаете.

– Преступник – один из великих лордов.

– Хи-хи. Как вы говорите, это всего лишь логический вывод. А: мотив убийств – помешать реформам Адриана. В:

землеправители не хотят реформ. А плюс В равняется С: убийца – землеправитель.

– Лорд-заговорщик – не ваша матушка.

– Благодарю, что наконец признали очевидное.

– И не герцог Десмонд Ориджин.

– А за его прекрасных деток-агатов вы готовы поручиться? За Эрвина, что вел тайные переговоры с лордами перед отъездом в Запределье? За Северную Принцессу – эту ходячую загадку с туманным личиком, преданную брату-интригану?

– Нет, миледи.

– Тогда мы не можем отбросить Дом Ориджин. Вы все еще не сказали ничего ценного. Я теряю терпение, сударь.

– Если состоится покушение на императора, то оно произойдет не во дворце Пера и Меча. Охрана усилена до крайности, никто не входит во дворец вооруженным – даже тот, чьи привилегии позволяют это. Трое гвардейцев с искровым оружием всюду сопровождают владыку, и эти трое назначаются ночью на срок с утра до будущего вечера. Невозможно определить наперед, кто будет охранять императора, и подкупить гвардейцев. Число слуг до предела снижено, они набираются лишь из давних родов, много поколений служащих Династии. Приближаться к императору позволено лишь тем слугам, у кого имеются семьи в Фаунтерре. До ведома слуг доведено, что их жены и дети будут немедленно казнены в день убийства владыки, если таковое случится. Нако-

нец, всю пищу, которая подается на стол Адриана, предварительно пробуют три человека: один – барон Хорсинг, имеющий такую наследственную привилегию, двое остальных – случайным образом назначенные слуги. Дворец на осадном положении, миледи. Невозможно убить императора в нем.

Мира насмешливо прищурилась:

– О, вы меня успокоили, сударь. Теперь я знаю, что жизнь владыки в надежных руках. Но вы не сказали ничего нового! Будь я заговорщицей, не вхожей во дворец, я готовила бы убийство за его пределами. А будь я заговорщицей из числа придворных – тем более старалась бы атаковать вне дворца, чтобы не навлечь на себя подозрений.

– Будь вы заговорщицей, миледи, сомневаюсь, что у владыки были бы шансы выжить.

– Вы не отделаетесь комплиментом, сударь. Скажите нечто, ценное для меня.

– Что ж, миледи... Мы разыскали людей, напавших на вас в лесу.

Мира ахнула и похолодела. На полвздоха ей показалось, что Ворон говорит о нападении в Предлесье – о том роковом дне, когда погиб отец. Марк знает, кто она на самом деле!

Но в следующий миг поняла: речь о конной прогулке с Беккой, о четверых убийцах, готовивших засаду для сира Адамара. Мерзкие физиономии злодеев всплыли в памяти.

– Я могу их увидеть?

– Можете, миледи, – с едва уловимой усмешкой процедил

Ворон Короны, – только не советую обедать перед свиданием. Крысы и черви изрядно потрудились над телами. Мы нашли их в канализационном стоке.

– Тогда почему считаете, что это именно они?

– У одного была рыжая борода, как вы и говорили. Всех троих зарезали в день гибели сира Адамара – нашлись люди, видевшие, как тела сбросили в сток. Не думаю, что это совпадение.

– А где же четвертый? Я видела четверых.

– Миледи, в Фаунтерре чертовски много всякого людского отребья. У них есть излюбленные места – притоны на окраинах, кабаки, бордели... Мы перерыли их все и нашли людей, видевших, как эти трое трупов пили с четвертым. Четвертый хотел подрядить их на дело, а они торговались, требовали подороже. Четвертый был в капюшоне, скрывал лицо. Но местная шваль все равно распознала, что он – не из их братии. Одежда на нем неприметная, но сапоги слишком хорошие. Говорил на жаргоне трущоб, но умные словечки нет-нет и проскальзывали. Был это подручный некоего лорда – «полезный человек», как говорится.

– Но что это дает нам, сударь? И без того ясно, что сира Адамара послал на Звезду лорд. Мы, кажется, и не подозревали купцов да лавочников.

Губы Марка расплылись в самодовольной ухмылке.

– Вам, миледи, не хватает искушенности в грязных делишках.

– Надеюсь, это придет с опытом. Что я упустила?

– Лорд нанял для убийства откровенную шваль, прежде им не проверенную. А убить следовало славного рыцаря, бывалого охотника. Имелись шансы – и немалые – что подонки не справятся с сиром Адамаром. Но нанимателя это не смущало. Понимаете, что отсюда следует?

– Что наниматель имел еще и резервный план.

– Или кое-что поинтересней, – подмигнул ей Ворон. – По-размыслите на досуге, получите удовольствие.

Мира глянула в окно – ливень все не унимался, барабанил по стеклу. Улица опустела. Зеленая карета с гербами Нортвуда стояла поодаль, расплывчатая за пеленою дождя.

– Пожалуй, лучше подвезти вас к вашему экипажу, миледи, – сказал Марк.

– Ни в коем случае! – отрезала Мира. – Прощайте, сударь.

Она выпрыгнула под дождь и побежала по улице, подставляя лицо струям воды. Карета тайной стражи не спешила трогаться с места. Ворон Короны глядел вслед Мире и, вполне вероятно, смеялся.

Стрела

Конец июня 1774 года от Сошествия

Восточнее Реки, окрестности ложа XVIII Дара Богов

До чего странно, когда время течет толчками. То возникает, то гаснет, будто огни в окнах.

Свет. Джемис Лиллидей, морщась, разглядывает рану Эрвина.

– Милорд, из вас целитель не лучше, чем мечник...

Развязывает мешочек с каким-то снадобьем.

– Вы решили прикончить меня медленно? – спрашивает Эрвин.

– Это надежное средство, милорд, – с обидой отвечает Джемис. – Отцовский лекарь дал.

– Я испробовал пять надежных средств – видите пузырьки?.. До Звезды оставался примерно один шаг, когда я бросил эту гадость и применил змей-траву.

– Змей-трава?.. Это же яд!

– Да неужели? Как вы догадались!..

Джемис нюхает жидкость в миске, брезгливо трогает пальцем, кончиком языка.

– Пекучая дрянь! Хуже красного перца.

В сомнении покачивает головой:

– Не лучше ли мое снадобье? Отцовский лекарь знает

толк...

– Захотите отомстить врагу – отдайте его лекарям. А хотите помочь – делайте, что я скажу. Или хотя бы не мешайте, я сам сделаю.

Джемис берется за кисточку, осторожно подносит к ране.

– Выдержите, милорд?

– Конечно, нет. Буду рыдать и звать мамочку, я же неженка. Делайте уже!

Воин смазывает рану. Эрвин скрипит зубами и улыбается. Ничего не нужно делать самому – только лежать и ждать. В сравнении с прежними процедурами это почти блаженство.

Темнота...

Свет.

Точнее, запах. Сочный, аппетитный, с дымком. Воин жарит зайца.

– Я могу надеяться на косточку-другую? – спрашивает Эрвин, глотая слюну.

– Косточку?.. – удивляется Джемис. – Вы хотите кость?..

Пес сидит у огня, поминутно облизываясь.

– Ах, все кости обещаны Стрельцу! – догадывается Эрвин. – Какая жалость... Что ж, тогда я сбегаяю на охоту.

Эрвин делает попытку встать, Джемис испуганно подскакивает к нему:

– Вы тронулись умом? Какая охота? И трех шагов не пройдете, милорд! Лежите, не шевелитесь, я вас накормлю!

– Это называется ирония, Джемис. Я пошутил.

– Странные у вас шутки, милорд.

– Ну, куда мне до вашего изящества! Колючки под седлом – вот была умора. Или, например, неделями следить за мной, чтобы однажды подстеречь и прирезать, – тоже довольно забавно.

Джемис возвращается к костру в угрюмом молчании. Позже приносит Эрвину аппетитную заячью ножку, истекающую жиром. Эрвин съедает ее так быстро, что едва успевает ощутить вкус.

– Какая-то маленькая. Это был заяц или тушканчик? Дайте еще.

– Больше нельзя, милорд. Вы отвыкли от плотной еды.

– Знаю... – досадливо скрипит Эрвин. Глядит, как пируют воин с овчаркой. Спрашивает: – Джемис, вы ведь следили за нами от самого болота?

Воин нехотя кивает.

– Отставали на день, чтобы мы вас не заметили? Шли по следам?

– Да, милорд.

– И на что же вы рассчитывали? Что я как-нибудь пойду прогуляться без эскорта? В одиночку отправлюсь на охоту?

– Милорд, вам нужно отдыхать. Поспите лучше...

– Чего вы ждете? – восклицает Эрвин. – Какой еще случай вам нужен?!

Джемис выходит. Эрвин смыкает веки. Темнота.

Огонь в груди. Боль отдается в сердце, в легкое. Дыхание сбивается. Лихорадка.

Эрвин просыпается среди ночи, дрожа в холодном поту. Хочется орать от обиды: неужели хворь вернулась?! После всех стараний? Опять?!

– Джемис, – зовет он, – Джемис!

Воин подхватывается, словно по тревоге.

– Да, милорд.

– Принесите змей-травы.

– Ночь, милорд. Не дожидаться ли утра?

– Нет. Сейчас.

Джемис уходит. Стрельца нет в землянке – он спит на улице, охраняет лошадь воина от волков. Тянется время. Лихорадка не утихает. Эрвин боится притронуться к ране и ощутить снова ту жуткую, тугую и горячую плоть.

Когда Джемис возвращается и зажигает факел, Эрвин спрашивает:

– Вы были у ложа?

– Да, милорд.

– Видели место, где на нас напали?

– Да, милорд.

– Вы... Джемис, вы похоронили их? Я был ранен и не мог...

– Похоронил.

– Благодарю...

Джемис садится возле лорда, готовит ядовитый сок, смачивает кисть. Говорит:

– Почему вы спросили об этом, милорд?

– Просто хотел знать, похоронены они или все еще... лежат.

Джемис медлит, трогает лоб Эрвина, снимает повязку и осматривает рану.

– Скажите, милорд, эти люди – нападавшие – кто они были?

– А почему вы спросили об этом? Точнее, почему сейчас?

– Раньше не думал, что вы мне ответите.

– Правильно, не ответил бы. Но почему сейчас?

– Сомневаюсь, что вы доживете до утра.

– Доживу, уж поверьте.

Эрвин и сам не слышит веры в своих словах. Воин касается раны кистью, в тот же миг падает темнота.

В ней мертвецы, коршуны, волки. Все жрут: и Эрвина, и друг друга. Толпятся вокруг него – лежащего, – огрызаются, выдирают друг у друга клочья мяса. Эрвин орет... нет, шепчет:

– Я выживу... Я увижу сестру...

Мертвецы растаскивают его по кусочкам, швыряют лакомство волкам. От туловища остаются лишь голые ребра, сквозь них прорастает змей-трава...

Свет.

Вода льется с потолка. Джемис сидит в землянке, возле Эрвина. Ждет, когда лорд проснется. Точнее, проснется ли.

– Видите, – тихо произносит Эрвин, – я же обещал.

Джемис подает ему воды, протирает влажным платком лицо и шею.

– Кто это сделал с вами?

– В основном я сам... Но начал дело механик Луис.

Джемис недоверчиво склоняет голову.

– Этот сопляк пытался вас убить?

– Он всадил нож на ладонь левее сердца. Может, хотел почесать мне грудь – кто знает. Чужая душа – потемки.

– Луис, этот южный мышонок! Ему достало духу убить Ориджина!..

– Ну да, он же не кайр, куда ему...

– Вы не в том состоянии, чтобы так шутить, милорд.

Эрвин облизывает губы: они так приятно прохладны от дождевой воды.

– Я должен попросить у вас прощения, – говорит Эрвин.

– За что?

– Луиса наняли расправиться со мною. Он хотел замаскировать убийство под несчастную случайность. Попытался сделать это на болоте: шел передо мною и надрезал сеть. Я ничего не заподозрил. Затем Луис украл змею у Кида и подкинул в мой шатер. Тогда я заподозрил вас. Вот за это прошу прощения.

– Пустое, милорд, – говорит Джемис. Он лжет. Заметно,

что этих слов воин ждал очень давно.

– И еще я благодарю вас, – говорит Эрвин.

– За что, милорд?

Эрвин усмехается.

– За ваше идиотское чувство юмора! Полдороги Луис был в центре внимания солдат: вы с Хэнком следили за ним, чтобы устроить очередную пакость, а все прочие хотели видеть его реакцию. Если бы не такое пристальное наблюдение, Луис имел бы больше возможностей подстраивать ловушки. Вероятно, я не дожил бы даже до Реки.

Джемис взвешивает услышанное и наконец понимает, что Эрвин не шутит.

– Вы знаете, кто нанял Луиса? Кто и почему хотел вашей смерти?

– Думаю, что знаю.

– Скажите, милорд.

– Не сейчас. Потом... Не думайте, я выживу.

Темнота.

Возврат.

Джемис приносит воды, дает Эрвину напиться, вложив в губы горловину бурдюка. Кормит мясом с орехами и лесными ягодами. Снимает повязку, придирчиво оглядывает рану.

– Становится лучше, милорд. Гноя почти не осталось. Еще раз обработаем дрянью, и можно будет зашить.

– Вы умеете зашивать раны?

– Нет, милорд. Как и вы.

– Прекрасно.

– Прекрасно, милорд?

– Освоить новое дело – разве не прекрасно? Да еще такое полезное, как шитье!

Джемис смазывает рану соком. Находит среди вещей лорда кривую медицинскую иглу, заправляет нить, примеривается. На его месте Эрвину было бы сложно воткнуть иглу в живую плоть человека, однако Джемис не испытывает таких затруднений. Его пальцы движутся спокойно и твердо. Эрвин кривится от боли и впивается ногтями в собственные ладони, чтобы сдержать стон. Впрочем, ясно, что воин справился с делом наилучшим образом.

– Благодарю вас, Джемис. У вас явный талант к швейному ремеслу.

– Приятно слышать, милорд, как высоко вы меня цените.

Он уходит, и Эрвин взвешивает на языке слова: «Это была шутка». Не сказав их, теряет сознание.

Темнота заполнена тревогой и болью. Рана пульсирует и жжет, а сон почему-то все длится, не прерываясь, и боль пробирается все глубже, до самого сердца. Биение становится тяжелым и гулким, будто гонг. Ход марширующего войска. Сапоги по мостовой: гвардейские сапоги, какие носит имперская пехота. Алая кровь бьется в груди, ища отверстие. Алые рубахи – в тон фамильного цвета Династии. Алые очи

в искровых копьях. Боль все острее, все больше напоминает удар искры – не мгновенный, но растянутый во времени, нарастающий до визга.

Эрвин пытается проснуться, открыть глаза, и веки поддаются, и он видит тронную залу. Огромный лазурный престол на мраморных ступенях, и владыка Адриан – такой огромный, что еле помещается в кресло, – лукаво произносит:

– Думаете, мне нужна ваша помощь, чтобы править моей империей? Вы так наивны, лорд Эрвин. Глупый, глупый человек.

Он поднимает руку и указывает пальцем в грудь раненому. Там, внутри, жжение становится невыносимым, и Эрвин впивается пальцами, силясь выцарапать из тела огонь...

– Проснитесь, проснитесь!

Свет. Джемис крепко держит Эрвина за руку.

– Вы повредили швы, открылось кровотечение. Придется наложить заново.

– Холодная тьма...

– Сочувствую.

Джемис берет за иглу.

Темнота...

Свет...

Темнота...

Мир, возникший из темноты на этот раз, чем-то отличался.

Потолок из замшелых бревен, сырая земля вместо пола, свет сквозь оконце во входном щите. Все прежнее... только на полтона ярче.

Эрвин встал – ноги удержали его. Отодвинул щит, вышел в лес.

Сквозь перекрестье ветвей стреляло солнце, рассыпая повсюду искры росы. Ближний куст покачивался, встревоженный ветерком, и ронял блестящие капли. Запах хвои и смолы вливался в легкие. Прохладный воздух щекотал спину, трава ласкала ступни. Эрвин растворился в ощущениях, пораженный: все ново! Все иначе! Не та поляна, не тот лес... не тот мир!

Рыжая тень бесшумно скользнула со ствола, метнулась меж кустов, замерла мордочкой к человеку. Глазки из темного бисера, кисточки на ушках, распущенный хвост, выгнутый, как буква S. Эрвин смотрел на белку, она не трогалась с места, и он смотрел... и в этот самый миг пришло осознание.

Рана больше не болит!

Эрвин София Джессика никогда не считал, что судьба несправедлива к нему. Он знал множество радостных дней. Испытал любовь, пробовал успех на вкус, заводил умных друзей, бывал в центре внимания, наслаждался красотой в разнообразнейших ее обличьях. Умел ценить терп-

кость вина, остроту фразы, изящество мысли, искру девичьего смеха. Его жизнь – особенно годы в столице – была полна прекрасного, тонкого, сладкого, драгоценного...

Эрвин глядел на белку, в бисерные ее темные глазки, и точно знал: сейчас – лучший миг его жизни. Такого не было в прошлом и никогда не будет впредь. Все радости, пережитые прежде, – тусклы, крохотны, смешны. Он не хотел шевелиться, боялся даже дышать, чтобы не спугнуть этот миг вопиющего, бесстыдного, умопомрачительного счастья.

Да пошлют боги когда-нибудь еще хоть один такой же миг!

Когда Джемис вернулся с охоты, неся на плечах тушу оленка, лорд Эрвин Ориджин сидел возле горящего костра. У воина даже челюсть отвисла.

– Как вам удалось?..

– Пункт первый: я поднялся на ноги. Пункт второй: нашел сухих веток. Пункт третий: разжег огонь. Знаете ли, мне по вкусу масштабные планы.

– Вы... – Джемис сбросил тушу на землю и оглядел Эрвина с ног до головы. – Вы здоровы?..

Эрвин искривил губы.

– Ни капли не здоров. Задыхаюсь после десяти шагов и с трудом поднимаю хоть что-то тяжелее собственной руки. Но я больше не умираю, вот в чем штука.

– Рад это слышать, милорд.

– Рады?... – переспросил Эрвин.

– Вы сомневаетесь, милорд?..

– Садитесь, Джемис. Есть разговор.

Воин сел возле лорда, пес улегся между ними.

– Кое-что нам с вами нужно прояснить. Я выскажу свои догадки, вы ответите, прав ли я.

– Слушаю, милорд.

– Вы шли за нами, чтобы убить меня, верно?

Джемис глубоко вдохнул.

– Да, милорд.

– Но вас опередили. Вы слышали звуки битвы, а когда пришли на место, увидели братскую могилу. Вы решили, что я тоже погиб?

– Сперва – да, милорд. Но позже нашел ваш меч, и рядом с ним не было вашего тела.

– Тогда вы сочли, что я бежал с поля боя.

Воин не смотрел ему в глаза.

– Милорд...

– Не смейте лгать. Вы не кайр, но все еще дворянин!

– Да, я решил, что вы сбежали.

Эрвин кивнул.

– Благодарю за честность. Дальше вы поняли, что вам не составит труда нагнать меня и убить – ведь с вами был Стрелец, он легко взял бы след. Однако вы не двинулись в погоню сразу же, а провели еще несколько дней на месте сражения. Похоронили тела – тяжелое и благородное дело. Чем еще вы

там занимались?

– Спускался в ложе Дара.

– Из любопытства? Я понимаю.

– Не только из любопытства, милорд. Я нашел ваш меч, когда бродил по краю ложа. Видите ли... вы все-таки Ориджин, и я подумал...

Эрвин усмехнулся:

– Вернее сказать, понадеялись, что я все же не спасся бегством, а был убит и упал в пещеру.

– Да, милорд. Подумал: вдруг так и было. Тогда я смог бы найти в ложе ваше тело и доставить его светлости.

– Доставить моему отцу?!

– Да, милорд.

Эрвин ужаснулся:

– О, боги! До Первой Зимы два месяца пути, тело превратилось бы в жижу. Герцог стерпел бы, но бедная матушка лишилась бы рассудка от такого зрелища!

– Да, милорд, я немного поразмыслил и решил поступить иначе. Подумал, если найду останки, то похороню здесь, а доставлю его светлости только ваш меч. Позже его светлость сможет прислать за вами людей.

– Если сочтет меня достойным места в родовой усыпальнице, вы это хотите сказать?

– Милорд...

– Отвечайте!

– Да, милорд.

– Прекрасно. Ваша честность радует все больше. Итак, вы полезли в ложе и не нашли там никакого тела.

– Верно, милорд.

– Вы вернулись к изначальной версии: лорд-неженка бежал из боя.

– Да, милорд.

– Тогда вы пустили по следу Стрельца, и пес легко привел вас сюда. Вы нашли меня полумертвым, лежащим на этой вот поляне, и весьма удивились тому, что я ранен. Недолго поколебавшись, решили помочь мне, что и выполнили со старательностью, за которую я вам весьма благодарен.

– Да, милорд.

Воин выглядел хмурым и напряженным. Пес, всегда понимающий его настроение, тревожно наострил уши.

– Полагаю, понятия о чести не позволили вам зарезать раненого. Вы решили подождать, пока моя хворь отступит. И вот мы подходим к самому насущному вопросу: что вы намерены делать теперь, когда я способен стоять на ногах?

Джемис опустил голову и долго, долго молчал.

– Я выполню то, что вы скажете, милорд.

Эрвин усмехнулся. Какая странная привычка выработалась: реагировать смехом на угрозу смерти.

– Хотите сказать, у меня будет выбор между мечом, кинжалом и арбалетом? Премного благодарю.

– Нет, милорд, вы ошибаетесь.

– Ошибаюсь?

– Не во всем. В большинстве правы. Да, я пришел ради мести. Лишиться плаща – никто в моем роду не знал такого позора. Да, я не убил бы раненого. И действительно я хотел дождаться, пока заживет ваша рана. Вы все поняли правильно, милорд. Кроме одного: я раздумал мстить.

– Неужели?

– Я сделаю то, что прикажете, милорд. Захотите – останусь с вами, буду служить всю дорогу до Первой Зимы. Дорога нелегка, вам пригодится помощь. Захотите – уйду сейчас, и больше вы меня не увидите. Сомневаюсь, что вы потерпите рядом с собою такого вассала. Я бы не терпел.

Эрвин озадаченно свел брови.

– В чем причина столь разительной перемены?

– Я был к вам несправедлив от самого начала. Вы не таков, каким кажетесь. Мне стыдно за все, что думал о вас.

– Как вы пришли к такому мнению?

Джемис закатал рукав рубахи. Вдоль предплечья шел глубокий порез.

– Изо всех своих поединков я выходил победителем, – сказал воин. – Мне не доводилось быть тяжело раненым. Глядя на вас, я захотел узнать, каково это.

У Эрвина отвисла челюсть.

– Вы порезали руку и посочувствовали мне?! Что за чушь! Вы – Джемис Лиллидей или Праматерь София?!

– Нет, милорд. Я влил в рану несколько капель сока змей-травы. И понял одно: тот человек, каким я вас считал, не

дожил бы до моего прихода.

– Ах, вот оно что!..

Они помолчали.

– Мне бы пригодился спутник на обратном пути, – сказал Эрвин. – Если готовы служить лорду-неженке, у вас есть такая возможность.

– Рад служить Дому Ориджин, милорд.

– Имейте в виду, – отметил Эрвин, – я не верну вам плащ, пока не уверюсь, что вы его достойны.

– Ничего другого и не жду.

С Того Самого Мига прошло десять дней.

Хворь отступала – бежала с поля боя. Лихорадка больше не возвращалась. Рана ныла на закате и перед рассветом, и в дождь, и чесалась во все остальное время, но это не шло ни в какое сравнение с прежней болью. Левая рука действовала плохо, с трудом сгибалась в плече, но с каждым днем все лучше слушалась приказов.

Эрвин приобрел аппетит дворовой собаки. Всякий раз, как что-нибудь съедобное попадалось на глаза, рот наполнялся слюной, в желудке урчало, а мозг начисто лишался способности думать о чем-то, кроме еды. Время, когда Джемис поджаривал на костре куски зайчатины или оленины, распространяя вкуснейший аромат, становилось подлинным испытанием выдержки. В такие минуты Эрвин и Стрелец глядели в костер совершенно одинаковыми тоскливыми

взглядами и боролись с общим соблазном: сожрать мясо сырым.

Эрвин заново научился ходить, от чего получал немалое удовольствие. Пройти за какие-то две минуты от землянки до поляны змей-травы, минуя волчью ягоду и ореховый куст, – это просто сказка! Эрвин хорошо помнил время, когда этот маршрут занимал пару часов.

Он стал упражняться в стрельбе из арбалета. Это давало тренировку и рукам, и глазомеру, и ногам: болтов имелось не так уж много, хочешь стрелять – будь добр, ходи и собирай. Об охоте на белок, как и прежде, он мог лишь мечтать, однако научился всаживать болты в тонкие сосны шагов с сорока.

Общение с Джемисом вызывало неловкость. Ни он, ни Эрвин вовсе не были молчунами, но вот общие темы оказались в большом дефиците. Все их знакомство сводилось к походу, так что любое общее воспоминание непременно упиралось в недавнюю вражду или, того хуже, в гибель сослуживцев. К тому же Эрвин был для Джемиса живым напоминанием об унижении. Неудивительно, что воин почти все светлое время пропадал на охоте, возвращаясь лишь к сумеркам. Однажды у вечернего костра Эрвин, изнемогающий от нехватки общения, сказал напрямик:

– Поговорите со мной, прошу вас.

– Да, милорд, – подчинился Джемис и принялся ждать темы, какую предложит Ориджин.

О чем можно поговорить с кайром? О чем угодно, лишь

бы не пахло смертью! Этого запаха Эрвину уже хватило с головой. Он выбрал наугад первое воспоминание, до крайности далекое от войны:

– Мне в детстве нравилась дочка Флеминга. Знаете, почему? Она всего боялась. Высоты, темноты, подземелий, оружия, кладбищ, пауков – всего, что только можно выдумать. Чуть что, пронзительно взвизгивала и впивалась в мою руку, могла и спрятаться за спиной... так мило! И самое забавное: она сама любила пугаться. «Ах, Эрвин, говорят, в Первой Зиме много старых подземных ходов... не покажете ли мне?» Она – первая девушка, кого я поцеловал, и было это в усыпальнице Ориджинов.

Джемис ухмыльнулся – давно Эрвину не доводилось видеть на его лице улыбку.

– Значит, нам с вами повезло, милорд.

– Вам тоже доводилось целоваться в склепах?

– Нет, я тоже спасся от брака с Молли Флеминг. Меня сватали за нее... и я сбежал в поход. А когда вернулся, она была замужем, родила сына и растолстела, как бочка.

– Неужели?

– Ага. Думаете, почему она не показывается в Первой Зиме?

– Стыдится предстать перед сюзереном?

– Не нашлось кареты, которая бы ее выдержала.

Дурная шутка, но Джемис сказал это с таким серьезным видом, что Эрвин хохотнул. Джемис вдохновился и расска-

зал про девчонку из Лида, что вздыхала о нем, когда Джемису было лет этак девять. Эрвин описал свое знакомство с дочкой Нортвудов: благородная леди Глория столкнула его с крыльца в огромный сугроб, уверенная, что это впечатлит гостя. Позже графиня Сибил отпаивала орджем мокрого до нитки Эрвина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.